Светлана

АЛЕШИНА

Мечтать не вредно

ЭКСМО

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Светлана Алешина

Мечтать не вредно (сборник)

Серия «Александра»

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5961632
Алешина С. В. Мечтать не вредно. Палач в нетерпении: Повести.:
Эксмо-Пресс; Москва; 2000
ISBN 5-04-004131-4

Аннотация

Поистине от смешного до страшного один шаг. Начитавшись любовных романов, вор в законе Филипп Волков решает похитить понравившуюся ему девушку. Эта история, начавшаяся столь романтичным похищением Александры Денич, закончилась весьма плачевно. Ночью она случайно находит своего похитителя мертвым. Александра понимает, что теперь она главная подозреваемая. Ее обвиняют в убийстве. Но не на ту напали! Работая помощником частного детектива, Александра выпутывалась и не из таких переделок…

Содержание

Мечтать не вредно 4
Глава 1 4
Глава 2 17
Глава 3 30
Глава 4 42
Глава 5 56
Глава 6 69
Глава 7 82
Глава 8 94
Конец ознакомительного фрагмента. 101

Светлана Алешина
Мечтать не вредно (сборник)

Мечтать не вредно

Глава 1

За окном моросил дождь. Но ничего с этим не поделаешь, и я заранее смирилась с осенью, умудряясь даже найти в ней своеобразную прелесть.

Например, листья, падающие с деревьев… Как в стихотворении Ружевича: «Молча люди идут по дороге в такой необычной тревоге – не наступить бы на листья…»

Вот в такой прелестный и печальный день началась эта история. Я сидела в офисе и раздумывала, не поставить ли мне чайник, или уж совсем не вылезать из-под пледа, в который я закуталась, пользуясь тем, что я совершенно одна и никто, судя по всему, тут уже не появится.

Настроение у меня было хорошее. Я ждала, когда за мной приедет мой верный Пенс, и смотрела на капельки дождя, стекающие по стеклу.

– Сегодня ты вполне симпатичен, мир, – сказала я, все-таки решив отправиться за горячим чаем. – Пожалуй, я сегодня ощущаю даже радость бытия, как это ни странно.

По радио тихонечко наигрывала мелодия «Битлз», и хотя я никогда не была битломанкой, но сейчас эта песенка возвращала меня в тот далекий уже период, когда я была такая маленькая, такая открытая завтрашнему дню и такая глупенькая, в общем, когда я была подростком, а не умудренной опытом взрослой, как теперь!

Вот эту идиллию и нарушил внезапный звонок в дверь. Сначала я, ей-богу, не заподозрила ничего дурного – это могли быть только Пенс или Лариков, поэтому дверь распахнула во всю ширь и замерла.

Передо мной стоял совершенно неизвестный мне человек с недобрым взглядом узких маленьких глаз, и, судя по выражению его лица, эта встреча мне ничего хорошего не предвещала.

Отвратительное у него было лицо, прямо скажем! Квадратное-то ладно, к этому я уже привыкла – у нас куда взгляд ни кинь, непременно один такой квадрат на четыре нормальные физиономии увидишь. Но к этой «типичности» у него был еще совершенно омерзительный лоб, нависший над глазами. Этот лоб пересекал уродливый шрам, а довершала впечатление совсем уж некрасивая улыбка. То есть улыбкой я бы это называть не стала, скорее это было похоже на гримасу отвращения, а так как никто, кроме меня, перед ним не

маячил, я без труда догадалась, что это отвращение вызвала исключительно моя особа.

В руках он комкал большущий платок в клетку и почему-то все время подмигивал. Нервный тик, наверное. Я сначала испытала острый приступ жалости к нему, но жалость уступила место осторожности, поскольку невесть чего можно ожидать от этакого «мозгового инвалида» с внешностью записного маньяка!

– Что вам нужно? – поинтересовалась я, предусмотрительно отодвигаясь к стене и прикидывая в уме, как бы так ненавязчиво выпроводить его, а если он будет настаивать на продолжении знакомства, как мне спрятаться в комнате, попросив его дождаться Ларикова.

– Да вы не бойтесь, – пробормотал он, в очередной раз скривив свою физиономию и заговорщически подмигнув в сто какой-то там раз, от чего его рожа стала совсем зловещей. – Ничего я вам плохого не сделаю…

«Ваша кончина будет безболезненной, – мрачно подумалось мне. – Я постараюсь нанести удар быстро и незаметно для вас».

– Да я и не боюсь, – мужественно соврала я. – Только вам, наверное, нужен Андрей Петрович, а не я. Я только секретарь.

– Не-ет, – протянул он и захихикал, наставив мне в грудь свой указательный палец, как дуло пистолета. – Мне не нужен этот твой Лариков. Мне нужна ты…

Я хотела возразить ему, что он заблуждается, но не успела.

Он резко прижал дурацкий и вонючий платок к моему лицу, и я провалилась в небытие, даже не пикнув напоследок и уж тем более не оставив сообщения моему боссу, что меня, кажется, похитили!

* * *

Андрей Петрович Лариков вошел в собственную квартиру, днем совмещающую обязанности жилища с офисом сыскного агентства «ЛМ», и устало опустился в кресло. День сегодня выдался изматывающий, как никогда, и Андрей Петрович очень устал.

Компьютер привлек его внимание тихим и недовольным шипением, и Андрей Петрович чертыхнулся – Александра, уходя, даже не потрудилась выключить его. Впрочем, приемник тоже продолжал распевать как ни в чем не бывало, что окончательно Андрея Петровича разгневало.

– Ох уж эта мне девица, – проворчал он, выключая компьютер. – Свет оплачивать будет не она, поэтому, конечно, можно так вот халатно ко всему относиться!

Если бы Андрей Петрович не был таким раздраженным и уставшим, он отметил бы нетипичность ситуации – его помощница никогда не оставляла включенными ни компьютер, ни приемник. Возможно, он сразу бы заподозрил неладное.

Но, даже когда зазвонил телефон и он услышал обеспоко-

енный голос матери Александры:

– Андрюша? А Саша домой не собирается? – даже тогда Андрей Петрович ничего не заподозрил. Его разум оставался спокойным, и он произнес в трубку:

– Скорее всего они с Сережей куда-то поехали. Разве она вас не предупреждала?

– Нет, – растерянно пролепетала Галина Михайловна. – Она ничего не говорила…

Он уже хотел возмутиться поведением Александры – она не только расточительная, но и совершенно безответственная девица! Но, пожалев мать, проговорил:

– Вы, Галина Михайловна, не волнуйтесь. Думаю, она вот-вот появится.

– Хорошо, подожду еще, – с некоторым сомнением в голосе согласилась мать.

– Звоните, если что, – сказал Андрей Петрович и, положив трубку, безмятежно насвистывая, отправился варить себе кофе.

В это время в дверь позвонили, и он, проклиная того, кто решил его побеспокоить в минуты отдыха, открыл дверь.

На пороге стоял Пенс.

– Привет, где Сашка?

Вот тут Ларчика кольнуло нехорошее предчувствие.

– Не знаю, – честно признался он. – Кажется, она должна была быть с тобой?

– Я немного задержался, – обеспокоился и Пенс. – Неуже-

ли она поехала домой одна?

Лариков нервно оглянулся на компьютер. На приемник. Потом вернулся растерянным взглядом к Пенсу.

– Послушай, только что звонила ее мать, – проговорил он. – Куда же могла направиться глубокой ночью эта безмозглая девчонка?

* * *

Не знаю, какая у вас бывает реакция, когда вы очухиваетесь в совершенно незнакомом месте, а у меня она была очень даже негативная.

Мало того, что у меня дико болела голова от этого ужасного хлороформа, я как-то сразу, без ложных иллюзий, поняла – меня похитили, и ничего хорошего от жизни ожидать в ближайшее время не могу.

Я осмотрелась. Рядом со мной не было ни души, только попугай в огромной клетке разглядывал меня крайне неодобрительно, хотя и с нескрываемым любопытством.

– Привет, – сказала я ему. Злости к птице у меня не было и в помине – я сама была, как он. На окнах – решетки, дверь…

Подойдя к двери и проверив ее, я убедилась, что проклятая дверь предусмотрительно закупорена.

Так что я, как и эта птица, обречена познать, что такое неволя.

Конечно же, я испугалась – не собираюсь я храбриться и

врать, что я такая вот крутейшая девица, что ничего-то я не боялась и совершенно хладнокровно обдумывала свое положение.

Положение я обдумывала далеко не хладнокровно, а с дрожью в сердце.

Какому кретину пришло в голову меня похитить, я даже помыслить не могла. Прикинув в уме, что никто за меня много заплатить все равно не сможет, даже если Ларчик, мама и Пенс продадут все, что у них есть, включая квартиры, мотоциклы, я пришла к неутешительному выводу, что скорее всего я доживаю последние дни своей жизни. Что касается возможности того, что меня похитила мафия, дабы обменять на компрометирующие сведения, я это предположение тоже отмела – у нас никаких порочащих мафию сведений не было. Чеченцы тоже вряд ли бы мной решили заняться, поскольку родное правительство мной и в лучшие дни не шибко интересовалось, а теперь уж я им и совсем стану не нужна. Так что смысла во мне чеченцам никакого не было. И я сидела и ломала голову, что же это за непонятные граждане попались на моем жизненном пути, о которых я не могу сказать ничего хорошего? Они ткнули мне в лицо вонючий платок, заперли в комнате с попугаем, поэтому я, наверное, тоже могу позволить себе нарушение этикета!

К тому же меня похитили совершенно невоспитанные люди, потому что преспокойненько где-то дрыхли, оставляя меня в полном неведении относительно их планов.

Попугай вдруг резко заорал, как сирена, ей-богу! Я подпрыгнула и уставилась на него в немом испуге.

– Наверное, это пираты, – подумала я вслух. – Потому что попугай явно Флинта. Все равно непонятно, какой им от меня прок, если я совсем не знаю, где лежат их «пиастры». Самой бы не мешало этими пиастрами разжиться…

Догадка, конечно, была глупой, но разве сам факт моего похищения можно было назвать умным?

– Каков, извините, запрос – таков ответ, – рассудила я и включила свет, заставив попугая радостно запрыгать по клетке с дикими криками: «Паша хороший».

Ага, хоть с попугаем разобрались. Попугая зовут Паша, и он вполне симпатичная личность, когда ему не приходит в голову поорать.

– Хороший Паша, – согласилась я, гладя его по клюву, который он подставил мне, стоило только ему увидеть, что я приблизилась к клетке. – Очень хороший Паша, вот только где твои хозяева, хотелось бы мне знать?

Попугай явно не хотел говорить со мной о хозяевах. Он был из породы натур самовлюбленных, поэтому повторил мне с маниакальным упорством еще несколько раз, что «Паша красивый и хороший».

«В отличие от твоих хозяев, – мрачно усмехнулась я. – Они уж наверняка некрасивые и нехорошие…»

Пнув ногой невинную дверь, впрочем, если разобраться, не такая уж она и невинная, поскольку в данный момент слу-

жила препятствием к моей свободе, я плюхнулась на огромную кровать, с удивлением обнаружив, что она очень даже ничего. Мягкая и удобная.

Это внушило мне «добрые надежды», что убивать меня пока не собираются. Если бы собирались, подложили бы тюфяк с гнилой соломой. Или вообще вынудили бы спать в темной каморке на голом дощатом полу. Еще бы мне на шею привязали цепь, чтобы я не убежала, и кормили бы помоями из миски, методично записывая мои мучения на видеокамеру, дабы отправить их Ларикову. Или моей бедной маменьке!

Впрочем, вполне вероятно, они просто хотят усыпить мою бдительность!

Как бы то ни было, я чувствовала себя безгранично уставшей и опустошенной, поэтому, бросив озлобленный взгляд в сторону двери и оконных решеток, я проворчала:

– Завтра посмотрим… Утро, раз уж оно мудренее вечера, может что-то прояснить. А сейчас, похоже, все мои стремления понять происходящее полностью бессмысленны.

Я лежала, разглядывая потолок и напряженно думая, что творится с моей бедной мамочкой и с Пенсом. Ларчик-то скорее всего просто рад, что от меня избавился.

Вполне вероятно, что именно он все и подстроил, прекрасно понимая, что нет у него другой возможности от меня избавиться.

Последняя мысль была сопровождена зевком, и я влезла

под легкое и теплое одеяло, блаженно вытянувшись на мягкой кровати.

Ладно, решила я. Хоть попользуюсь напоследок «новорусскими» удобствами. И провалилась в сон.

* * *

В это время Пенс и Лариков сидели, смотря друг на друга. Оба они жутко волновались и не решались набрать номер Галины Михайловны, чтобы узнать, не явилась ли уже пропавшая Александра.

– Давай ты позвонишь, – предложил Ларчик, отводя глаза от Пенса.

– С какой радости? – спросил тот, нервно подергивая бровью. – Чтобы потом пришлось вызывать «Скорую», если Сашки еще нет дома? Она же как раз со мной должна быть. А тут звоню я и сообщаю, что ее со мной нет. Нет уж, не хочу я стать причиной чьего-то инфаркта!

– А может быть, она уже явилась, – с надеждой предположил Лариков. – В конце концов, не до утра же она…

Он не договорил, потому что в его душе сразу зашевелились всевозможные страхи и ужасы – работа в уголовке не оставляла ему иллюзорных представлений о состоянии тарасовских ночных улиц. То, что по ночам в Тарасове происходили убийства и изнасилования, секретом ни для кого не являлось. Единственное, на что Лариков в данном случае

надеялся, так это на то, что маленькая фурия, если ее разъярить, сама обратит в бегство любого преступника.

Это было единственной надеждой на то, что его помощница явится на работу живой и невредимой. Лариков надеялся именно на ее дурной нрав.

Пенс, который ее идеализировал, не надеялся ни на что.

– А ты звонил в милицию? – сам страшась своего вопроса, спросил он.

– Нет, – тряхнул головой Лариков. – Рано. Сначала…

Набрав номер телефона Александры, он услышал долгие гудки, а потом голос Галины Михайловны произнес:

– Я слушаю.

– Здравствуйте, – пропищал Лариков так пронзительно, что Пенс вздрогнул и уставился на него с благоговейным ужасом. – А Саша дома?

– Саши нет, – совершенно спокойно сообщила Галина Михайловна. – Она уехала на дачу к подруге.

Лариков почувствовал себя беспросветным идиотом, который к тому же лишился возможности уточнить подробности. Поэтому он не стал отвечать на вопрос, кто, собственно, интересуется Сашей в три часа ночи, и повесил трубку. – Все в порядке, – сказал он. – Твоя драгоценная Александрина, оказывается, просто уехала к подруге на дачу. Правда, непонятно, к какой подруге и на какую дачу…

– Что? – подскочил Пенс. – Откуда ты все это взял?

– Мама сказала.

– Значит, ей кто-то позвонил. Возможно, сама Сашка, но все равно – с ней что-то случилось!

– С чего ты в этом так уверился? – поинтересовался Лариков, которому до безумия хотелось, чтобы с Сашкой все было в порядке и она действительно преспокойно торчала на даче у своей неведомой подруги. Конечно, он ей потом устроит варфоломеевскую ночь, но уж лучше так, чем представлять страшные подробности несчастной Сашкиной участи!

– У Сашки только одна настоящая подруга, – уверенно сказал Пенс. – Я ее очень хорошо знаю. И все дело в том, что Вероники сейчас в городе нет. Она в Питере. И второе – самое главное. Даже если предположить, что Веронике пришло в голову срочно приехать сюда глубокой ночью, у Вероники никогда не было дачи!

– Может быть, дача общих друзей? – предположил все еще не теряющий надежды Ларчик.

– Понимаешь, в чем дело, – сказал Пенс, – если бы Вероника объявилась, ты бы об этом знал. Шума бы тут было на всю Вселенную. Но если хочешь, давай уточним, приехала ли она.

– В конце концов, она могла обзавестись еще какой-то подругой.

– Сашка? И сразу рванула к ней с ночевкой? На неведомую дачу? Нет, Андрей! Что-то тут не так. К тому же…

Он задумался.

– В это ты не веришь, – махнул он рукой.

– Во что? – поинтересовался Ларчик.

– В интуицию, – сказал мрачно Пенс, разглядывая деревья за окном с пристальным интересом художника-пейзажиста. – Я нутром чую, что с Сашкой что-то приключилось.

Глава 2

Я проснулась от сообщения, поступившего от моего сокамерника.

– Паш-ша хор-роший, – поведал он.

Я вскочила с кровати и осмотрела место своего заточения, уже освещенное лучами солнца.

– Паша красивый, – не унимался попугай, кося в мою сторону.

– Все правильно, – вздохнув, согласилась я. – Только вот в чем наша с тобой проблема… Саша тоже хорошая, прямо как ты, а вот посадили нас, братишка, в клетки, и наплевать им, что мы с тобой такие «хор-рошие»…

Он с интересом меня выслушал и даже попытался сам высказаться так же сложно и философически, но получилось у него это совсем непонятно!

Я принялась оглядывать помещение на предмет лазейки.

Хотя, с другой стороны, сегодня, при дневном свете, страх приглушился, уступая место моему природному, совершенно необузданному любопытству.

Но я была вынуждена признать, что сейчас меня больше всего волновал один-единственный вопрос.

А именно: кто и зачем решил стибрить из ее офиса некую Данич Александру Сергеевну?

* * *

В это утро Пенс впервые понял, что это такое – ни с чем не сравнимое волнение за другого человека.

Всю ночь он расхаживал по офису, изрядно действуя на нервы Ларикову тем, что гремел своей любимой цепочкой с брелоком. Собственно, делал он это машинально – просто мотал ею на пальце по окружности, наблюдая траекторию ее движения. Ларчик же при каждом позвякивании вздрагивал и смотрел на Пенса с невысказанной, но горячей просьбой.

– Слушай, – не выдержал он наконец. – Не мог бы ты прекратить греметь цепями, как кентервильское привидение?

– Время уже восемь, – не обращая внимания на просьбу, нервно громыхнул в очередной раз цепью Пенс.

– И что теперь? В восемь звон цепей звучит почти так же отвратительно-устрашающе, как и в полночь, – осторожно заметил Лариков.

– При чем тут цепи? – уставился на него Пенс. – Я имел в виду, что уже можно позвонить и узнать о происшествиях.

Спорить с не спавшим всю ночь Пенсом было совершенно бесполезно – Лариков понял это по безумному взгляду обведенных темными кругами глаз.

Он вздохнул, в сто пятидесятый раз набрал номер и, выслушав ответ, устало положил трубку и сказал:

– О ней нет никаких сведений.

Пенс провел рукой по лбу и пробормотал:

– Ну куда она могла подеваться?

– Тебе же сказали, – голосом терпеливого психотерапевта начал Лариков. – Она на даче у подруги. Если сегодня она не явится на работу, тогда и посмотрим…

Пенсу в голосе Ларикова, наоборот, почудились зловещие ноты. Он возмущенно уставился на него и сказал:

– Тебе не стыдно? Девчонка неизвестно где, может быть, с ней что-то случилось, а у тебя все мысли о трудовой дисциплине!

Лариков хотел возразить, что это совсем не так, но в это время зазвонил телефон.

Руки их потянулись к трубке одновременно. Лариков поднял на Пенса глаза. Тот покорно отодвинулся, выжидательно и нетерпеливо смотря на Ларикова.

– Алло, – проговорил Лариков, удивленно отмечая, что у него такой хриплый голос, как будто он всю ночь пил пиво и курил плохие сигареты, а плюс к этому еще и предавался сомнительным развлечениям с дамами фривольного поведения.

– Добрый день, – проворковал нежный голосок. – Это Андрей Петрович?

– Да, – согласился Лариков.

– С вами говорит Лена, подруга Саши. Дело в том, что вчера мы уехали на дачу, а сегодня Сашенька заболела. Поэтому она не сможет некоторое время выходить на работу.

Вы только не волнуйтесь, у нее обычная простуда… Думаю, через некоторое время вы ее увидите.

– А где ваша дача? – начал было Ларчик, но девица истошно завопила:

– Алле, алле. Вас не слышно! Не слышно вас!

И трубку повесили.

Ларчик задумчиво уставился на Пенса.

– Ну? – шепотом спросил Пенс.

– Ты прав, – сказал Лариков. – Теперь я и сам понял, с Сашкой что-то не так.

– Почему? – удивился Пенс. – Почему до тебя это дошло только сейчас?

– Я хорошо изучил Сашку за то время, которое мы с ней работаем, – пожал плечами Лариков. – У нее никогда не было подруги с именем Лена. Хотя, может быть, я и не прав. Ты когда-нибудь слышал о какой-нибудь Лене?

– Нет, – помотал Пенс головой. – Я бы уж наверняка знал. Все Сашкины подруги у меня перед носом постоянно крутятся. И Лены никакой нет.

* * *

За решеткой светило солнце, а я, как на картине Ярошенко, наблюдала из-за этой самой решетки, как по двору разгуливают жирные голуби.

– Вот ведь какая у них жизнь, Пашка, – поделилась я сво-

ими наблюдениями с попугаем. – И живут на свободе, и такие толстопузые… А мы с тобой сидим в неволе, и даже кормить нас никто явно не собирается.

Наверное, мои мысли подслушивались, поскольку в тот же самый момент дверь моего узилища открылась и в комнату вкатилась полновесная дамочка со столиком. На столике были расставлены сногсшибательные яства, а сама дамочка при виде меня не выказала ровным счетом никаких эмоций.

– С добрым утречком, – проговорила она, оглядывая меня таким же бесстрастным взором, каким, наверное, взглянул на несчастную Марию Стюарт палач в день ее казни.

– Здрасьте, – сказала я. – Может быть, вы мне объясните…

Дама выставила вперед массивную грудь, отчего мне сразу вспомнился завет моей матери, что женщин с объемистой грудью следует опасаться, и фыркнула.

– Попугая сами покормите. Вон там его питание, – она кивнула на полку, где среди книг притаился «Трилл». – Я этого засранца боюсь, он в палец клюется…

– Подождите, – вскричала я, наблюдая, как «фрегат моей надежды» удаляется за дверь, не собираясь ничего мне объяснять. – Пожалуйста!

Мои слова потонули во мраке ее глобального равнодушия. Дама удалилась, не соизволив даже пожелать мне приятного аппетита.

Поворот ключа заставил меня вздрогнуть.

– Черт побери, – пробормотала я. – Если меня украли,

правда, совершенно непонятно, зачем им это понадобилось, могли бы хоть объясниться…

Я подошла к клетке, насыпала бедолаге Пафнутию «Трилл» и задумчиво наблюдала, как он совершенно спокойно слез с перекладины, на которой до этого сидел, делая вид, что его философские размышления куда важнее моих земных забот.

– А может быть, меня просто с кем-то перепутали? – спросила я его. – Предположим, где-то разгуливала без охраны доченька важной особы, и она была похожа на меня. В какой-то момент мы нечаянно пересеклись, и нас перепутали! Да?

Паша оторвался от поглощения пищи и посмотрел на меня, как на полную идиотку.

– Все верно, ты прав, дружище, – согласилась я с его оценкой моих умственных способностей. – Во-первых, наверняка нужно быть совсем дегенератом, чтобы перепутать меня с богатой девицей. Так что уворовывали именно меня. И ни с кем меня не путали. Вот узнать бы еще, за каким чертом я им так понадобилась?

Можно было, конечно, истерически поколотить в дверь. Покричать, что я требую адвоката, или намекнуть им, что они нарушают мои права. Только по тишине за дверью легко было понять, что там никого нет, а если и есть, то на мои призывы к их совести они не откликнутся.

Надо было придумать кое-что поумнее, но как ты приду-

маешь, если тебе никто еще не объяснил собственных намерений? Для того чтобы бороться с врагом, его надо знать в лицо, а лицо свое мой враг еще не предъявил!

Пока я могла только подкрепить собственные силы, что и начала успешно делать. Причем, судя по подбору яств на изящном столике, я попала в плен к людоеду, который решил сначала меня как следует откормить.

– Вот ведь какой, – пожаловалась я Паше. – Мог бы украсть девицу потолще, не пришлось бы так тратиться на питание.

Паша как раз закончил свой завтрак и занялся утренним туалетом.

Поэтому на мои размышления вслух он отреагировал вяло, без должного интереса.

Да и что было от него ожидать? Он-то в отличие от меня знал, почему его держат в неволе…

* * *

– Подожди, надо подумать…

Лариков пытался успокоить Пенса, который явно был готов взорваться, хотя и сам был в состоянии близком к истерике.

– Во-первых, уйти отсюда она могла только в одном случае. Если ее кто-то выманил с помощью телефонного звонка. Вряд ли Сашка ушла бы, не выключив компьютер. Да и

не дождавшись нас…

– Вот именно, – вскричал Пенс. – Значит, ее похитили! Ты это понимаешь? – Если бы ее похищали, она бы орала благим матом, – сказал Лариков. – Кто-то бы услышал. Знать бы, откуда ее похищали!

– Из квартиры, – хмуро сказал Пенс. – Сашка в любом случае дождалась бы кого-то из нас и только потом помчалась бы по вызову.

– А если ее попросили о помощи? Ладно, сейчас попробую опросить соседей.

Он встал. Пенс вызвался ему помочь.

– Нет уж, – критически осмотрев Пенса, буркнул Лариков. – Я сам. А ты жди возле телефона. Если ее похитили, должны выдвинуть требования… Стоп.

– Что?

Лариков остановился, мрачно глядя на телефон.

– Киднепперы так себя не ведут, – покачал он головой. – Вместо того, чтобы успокаивать нас, они бы уже давно сообщили, что намереваются отрезать Сашке ухо и прислать его нам…

– О, боже! – простонал Пенс. – Ты нарочно мне тут страсти рассказываешь?

– Наоборот, я тебя успокаиваю. Просто совсем непонятно, зачем киднепперам звонить мне, матери и сообщать, что Александра где-то на даче и слегка приболела? То есть по прошествии определенного времени ее скорее всего собира-

ются вернуть.

– Без уха? – с ужасом спросил Пенс.

– Чего ты пристал к уху? – рассвирепел Ларчик. – Это я к примеру сказал про ухо. Просто так.

– Ничего себе «просто так»! – возмутился в свою очередь Пенс. – У меня и так по коже мурашки бегают!

Ларчик хотел возразить ему, что и он тоже не чужд подобных эмоций, но передумал. Махнув рукой, он вышел из квартиры, окрыленный слабенькой надеждой, что кто-то из соседей что-то слышал или еще лучше – видел, и, хотя крылышки этой самой надежды были совсем маленькие и недоразвитые, все-таки старался по мере сил верить в успех.

У Пенса надежд не было никаких. Он просто болтался по комнате, стискивая кулаки, и клял все на свете.

Поэтому, когда через некоторое время Ларчик вернулся и уселся на стуле, задумчиво разглядывая собственный ноготь, Пенс только посмотрел на него злым взглядом и пробормотал:

– Ну? Какие новости у гения сыска?

– А вот иронизировать не надо, – обиделся Лариков. – Потому что новости действительно есть, хотя и неутешительные.

– А я на утешительные и не рассчитывал, – горько вскричал Пенс.

– Сначала мне никто ничего сказать не мог, – начал Лариков, не отрывая взгляда от своего ногтя. – Все, как назло,

спокойно дрыхли. Или смотрели телевизор. Только одна старая грымза, которой мы всю дорогу мешаем, как она утверждает, спокойно спать ночами, при виде меня разразилась гневной тирадой.

– Какой? – заинтересовался Пенс.

– Что мы за ночь три раза хлопали дверью с оглушительным звуком. Что первый раз хлопнули сразу после двенадцати ночи – она это заметила по часам. Потом так же оглушительно хлопнули в двенадцать ноль девять. Она выглянула в окно, чтобы выкрикнуть нам в спину всевозможные угрозы и проклятия, и увидела, как какой-то увалень с короткими ножками выносит из дома насмерть упившуюся Сашку. Он усадил нашу даму в машину, ни цвета, ни номера мегера не записала, поскольку в темноте не разглядела, что ее, кстати, ужасно разозлило, и они уехали.

– И все? – пробормотал Пенс.

– Согласись, это «и все» уже что-то. Значит, Сашку украли отсюда и чем-то опоили за пять минут. Вопрос, правда, у нас с тобой с повестки дня не снимается и звучит все так же, как и прежде…

Он задумался, спустя какое-то время поднял на Пенса глаза и вопросил его, явно спутав с Дельфийским оракулом:

– Кому и зачем понадобилась наша Александрина?

* * *

Я развлекала себя тем, что изучила прилегающие к комнате туалет и ванную, обнаружив, что мой похититель живет вполне сносно, поскольку и то, и другое были выложены зеркальной плиткой и отличались невероятными удобствами.

Потом, убедившись, что до определенного времени придется находиться в уюте и комфорте, что меня немного успокоило, я обратилась от материальных ценностей к духовным и обнаружила на книжной полочке приемник, который тут же настроила на более-менее приличную станцию, и начала рассматривать корешки книг.

Увы, тут наши вкусы с моим похитителем резко расходились. Он был явно помешан на любовных романах. Ему надо было похитить мою маменьку, вот она бы ловила тут кайф, это точно! Правда, пришлось бы бедолаге раскошелиться еще и на телевизор, а потом…

Потом всю жизнь терпеть мою маму, поскольку она заточилась бы тут вполне добровольно.

Твердо решив, как только он соблаговолит появиться, предложить ему обмен или потребовать полное собрание сочинений Франсуа Вийона, я взяла с полки один из романов Джоанны Линдсей с судьбоносным названием «Женщина-воин» и, посозерцав немного красавца на обложке, признала, что он совершенно не в моем вкусе, хотя и смахивает

чем-то на Пенса. Наверное, длинной гривой нерасчесанных волос!

Пенс напомнил мне о Ларикове. Я вспомнила, что в момент похищения не выключила компьютер и приемник, и меня обдало волной леденящего ужаса.

– Господи, что он со мной за это сделает, – прошептала я, – он ни за что меня не оставит в живых!

С ужасом оглядев комнату, я решила, что уж лучше я останусь на веки вечные в этих покоях, чем вернусь к Ларикову, который за мой проступок наверняка отрежет мне уши!

Потом я постаралась сосредоточиться на злоключениях женщины-воина, но мысль о невыключенных электроприборах и последующей за этим каре неотступно преследовала меня, мешая вникнуть в смысл и без того непонятных сексуальных хитросплетений.

Я откинула книжку и начала нервно разгуливать вокруг клетки с попугаем, передавая ему мое настроение.

Попугай занервничал и начал разгуливать по клетке, недовольно ворча, что «Паша хороший».

Наверное, мне тоже придется талдычить эту фразу Ларикову, когда я вернусь.

– Саша хорошая, Саша хорошая, не убивай Сашу! – бормотала я, передразнивая попугая и представляя на его месте Ларикова. – Не убивай хорошую Сашу!

– Помилуйте, – услышала я за своей спиной приятный

мужской голос, – вас никто и не собирается убивать, Сашенька! Зря вы так подумали!

Глава 3

Та-а-ак…

Нас подслушивают, оказывается…

Медленно повернувшись, я с интересом посмотрела на того, кто, судя по всему, и являлся причиной грянувших на мою голову несчастий.

Он стоял, прислонившись к дверному косяку, скрестив на груди руки, и с насмешливой улыбкой наблюдал за мной.

– Надеюсь, вам хорошо спалось, Александрина? – спросил он, немного наклонив голову.

Надо сразу отметить, что он был красивым. Хотя, на мой вкус, черты его лица отличала некоторая грубость и упрямство. Но волнистые волосы, зачесанные назад, оттеняли весьма выгодно его высокий лоб, а глаза светились умом. Тем более странно, с чего умному человеку понадобилось меня похищать?

– Ага, – протянула я. – Если не считать того, что ночь я провела в размышлениях, где и почему я нахожусь. Может быть, вы все-таки поделитесь со мной своими планами на мой счет?

Он усмехнулся, отодвинулся от стены и мягко сказал:

– Я хотел бы ознакомить вас с моими планами немного позже. Когда вы успокоитесь и привыкнете ко мне.

– Денег у моих друзей и родственников все равно на выкуп

не наберется, и не надейтесь.

Выпалив это, я села на кровать и теперь пыталась превратить его взглядом в горстку пепла.

– Думаю, у меня хватит денег на… ваш выкуп, – сказал он совершенно серьезно, рассматривая меня. – А вас надо выкупить?

– Как же? У вас надо выкупить, – сурово ответила я. – Если, конечно, вы не вампир и не людоед. Тогда уж точно – плохо мое дело!

– Сашенька, я же сказал вам, что убивать вас никто не собирается! Более того, если кто-то вздумает причинить вам вред, этот человек будет вынужден иметь дело со мной, а я думаю, никто на это не отважится!

Он так посмотрел почему-то на попугая, что у меня сердце сжалось от страха, и я поспешила заверить его, что уж попугай-то о вреде моей персоне думает меньше всего.

Хорошая птичка, к тому же умненькая, и с ним мне даже не скучно!

Он рассмеялся и сказал:

– Я рад за него. Ему впервые нравится человек, оказавшийся с ним в одной комнате. Меня он почему-то недолюбливает, равно как и Алису Давыдовну.

– А это у нас кто? – поинтересовалась я.

– Моя экономка. Она принесла вам завтрак…

– Она не представилась, впрочем… Как и вы.

– Ах, простите, Александрина! Меня зовут…

Он задумался. Нет чтобы честно сказать, как его зовут!

– Меня зовут Филиппом, – поведал он наконец.

– Вам не подходит, – усмехнулась я. – Придумайте лучше что-нибудь другое.

– А если меня и правда так зовут? – наклонил он голову.

– А меня тогда зовут Виолетта, – хмыкнула я. – Или Брунгильда… Впрочем, мне наплевать, как вас зовут. Меня куда больше интересует, когда вы соблаговолите мне объяснить некоторые странности вашего поведения и отпустите меня домой.

– Я мог бы на вас обидеться, – нахмурился он. – Если бы вы не были такой прелестной. Я не могу на вас сердиться, особенно когда вижу ваши очаровательные глаза. Такие дерзкие и невинные одновременно…

Он подошел ко мне и приподнял меня за подбородок, взирая на мое лицо с томным удовлетворением.

Я дернула головой, вырываясь.

– Кажется, вы начитались любовных романов, – проворчала я. – Во всяком случае, выражаетесь вы слегка витиевато! Мне с моей неромантической натурой понять вас сложно. Поэтому все-таки я жду ответа на мой вопрос – по какой причине я оказалась в вашем «родовом замке»?

Он улыбнулся и проговорил:

– Ну, так вам придется подождать немного. Пока вы еще не готовы услышать ответ.

С этими словами он снова оставил меня в обществе попу-

гая, который нервно носился по клетке, выкрикивая немного надоевшую фразу: «Паша хороший!»

* * *

– Кретинизм! – поставила я, на мой взгляд, безошибочный диагноз данной ситуации и швырнула в захлопнувшуюся дверь подушкой.

Паша восторженно уставился на меня преданными глазами.

– Ну, и что мне делать? – спросила я своего единственного друга.

Если он это и знал, то сказать не мог. Он взлетел на качели и раскачивался там в ожидании ответного восхищения, какое выразил он на мое швыряние подушкой.

– Мило, – устало согласилась я, плюхаясь в кресло и доставая сигареты. Слава богу, в пачке еще было две штуки. Ту дорогущую гадость, которую любезно оставил на полочке мой тюремщик, я терпеть не могла, поскольку, на мой взгляд, эти «бледные спирохеты» можно было курить только в гробу, когда уже абсолютно все равно, что курить.

– Вот кончитесь вы у меня, – печально сказала я своим милым «монтекарловкам», – и начну я медленно угасать от недостатка никотина в организме… Может быть, этот красивый гад именно этого от меня и добивается. Может быть, он каким-то образом проведал о том, что моя румынская те-

тушка оставила мне наследство наконец-то, и теперь чает моей безвременной кончины, чтобы неправедно разжиться богатствами, принадлежащими моему скромному семейству?

Никаких иных причин его загадочных происков на мой счет я пока не находила.

– И ведь самое в этой истории гадкое, – поделилась я своей тоской с попугаем, – то, что этот глупый Лариков нипочем не догадается, что меня просто-напросто стырили, а ругается сейчас, что я не выключила его идиотский комп! Даже и не подумает, что я нахожусь в опасности и, возможно, скоро меня совсем не станет…

Я тяжело вздохнула, посмотрев на запертую дверь.

– Ничего, еще посмотрим, кто кого тут уморит, – мрачно пообещала я ей и всем, кто скрывался за нею от моего разгневанного взора. – Сами не подозреваете, с кем связываетесь!

* * *

Когда Пенс подошел к Сашкиной двери, на какой-то миг ему показалось, что Сашка вернулась.

Из-за двери доносились плач и крики.

«Наверное, Галина Михайловна в данный момент занята ее воспитанием», – подумал Пенс, нажимая на кнопку звонка.

Дверь открылась, стоны и плач стали громче, а на поро-

ге как ни в чем не бывало возникла Галина Михайловна с обычной приветливой улыбкой.

– Сережа! – обрадовалась она. – А Сашки еще нет. Звонила какая-то Лена, никак не разберусь с Сашкиными подругами, и сказала, что моя дуреха умудрилась там простыть. Но ничего страшного. Скоро обещала приехать.

Похоже, она была спокойна. Пенс посмотрел в ту сторону, откуда доносились душераздирающие вопли, и встретился взглядом с красоткой, пытающейся с экрана телевизора внушить всем жалость к своей персоне.

«Да уж, – вздохнул он про себя, – похоже, Сашкина мать только обрадовалась возможности беспрепятственно насладиться своими сериалами без Сашкиных язвительных реплик!»

– А эта Лена адрес не оставила? – без всякой надежды спросил Пенс.

– Как это не оставила? – удивилась Галина Михайловна. – Дача у Лены в Заманчивом. Знаешь, где это?

Заманчивое Пенс прекрасно знал.

Лучший дачный поселок на Волге.

– И как ее там найти? – спросил он, уже куда более оптимистично взирая на жизнь.

– Знаешь, Сереженька, я не помню… Она объясняла, но ведь, сам понимаешь, я вряд ли за ней поеду. А у тебя срочное дело?

– Да, – кивнул Пенс. – Очень срочное.

– Давай я попробую ее обо всем расспросить, если она позвонит, и тогда я тебе скажу. Ее сосед, у которого телефон, появится завтра, и тогда, вполне вероятно, позвонит сама Александра. Если, конечно, температура спадет. Я тебе тогда обязательно перезвоню.

– Или Андрею, – кивнул обрадованный Пенс.

– Хорошо, хорошо…

Пенс вышел на улицу и отправился к Ларикову.

Теперь у него появилась надежда, что Сашка действительно просто-напросто смоталась к неведомой подруге. Нечего психовать. Скоро объявится как ни в чем не бывало.

И все-таки, успокаивая себя таким образом, Пенс никак не мог отделаться от тревоги за свою бесшабашную подружку.

– Пока Сашка не объявится, я не успокоюсь до конца, – пробормотал он. – Все-таки придется мне прочесать это их Заманчивое вдоль и поперек, пока я сам не буду уверен, что с Александрой все в порядке!

* * *

Эти книги были не для меня. Так как я никак не могла представить себе мужчину, упивающегося романами Макнот или Линдсей, я смело предположила два варианта. Или собирались украсть мою маму, но в последний момент, когда уже все было подготовлено, остановились все-таки на моей

кандидатуре. Или мой похититель Филипп, к моему ужасу, сексуальный маньяк.

Ничего другого в мою голову не приходило. Ну, сами посудите, кому еще могут понравиться эти ужасающе длинные эротико-порнографические описания мужских и женских частей тела, которые мы стыдливо называем «интимными»?

Так как моя мама все-таки не очень интересуется такими романами, предпочитая им аргентинские сериалы, и уж куда с большим интересом читает детективы, которых тут, как назло, не было, я решила, что второй вариант более вероятен. И вел он себя, как я заметила, немного загадочно.

Что-то должно было произойти, после чего мне будет дозволено сообщить своей матери, что я жива и относительно здорова.

Относительно, потому что я, честно говоря, сомневаюсь, что все эти события, равно как и мое заточение, не повлияют пагубным образом на состояние моей психики.

– Ну, и как ты думаешь, кто этот Филипп на самом деле? – вопросила я попугая.

Тот не замедлил с ответом, в сто пятый раз доверительно прошептав, что «Паша хороший», и я вздохнула.

– Нет, дорогуша, придется заняться твоим лексиконом, а то общение с тобой иногда становится скучным, – сказала я ему.

В это время дверь опять распахнулась и в комнату два кре-

пыша втащили, отдуваясь и сопя, огромный телевизор.

Вслед за ними вплыла Алиса Давыдовна собственной персоной и, оглядев меня высокомерным и почему-то озлобленным взором, проворчала:

– Все пляшу, пляшу вокруг нее! А она нос воротит!

Тяжко вздохнув, она исчезла быстрее, чем я успела робко поинтересоваться, кто, собственно, вокруг кого пляшет и почему она ко мне так плохо относится?

Телевизор включили и, не успела я даже глазом моргнуть, юркнули в дверь, которая с оглушительным треском захлопнулась прямо перед моим носом.

– Придурки вы все, – сообщила я, стукнув по многострадальной двери кулаком. – И телевизор ваш дурацкий.

Теперь я могла чувствовать себя по всеобщим меркам бесконечно счастливой: у меня было все «необходимое», за исключением разве что компьютера. Но, так как компьютер в моем воображении был крепко-накрепко связан с работой, а это было единственным, по чему я совершенно не скучала, я и не расстраивалась.

В конце концов, как поется в попсовой песенке, «жить нужно в кайф», особенно когда на тебя нацелился сексуальный маньяк.

Воспоминание о нем несколько омрачило мое чело, но в целом я почему-то уже почти совсем не боялась.

Наоборот.

Мне было ужасно интересно, где я и кто такие эти люди

вокруг меня.

А то, что я смогу отсюда вырваться, в этом я не сомневалась. Сами выпустят, когда я их достану своей простотой!

* * *

– Ты в своем уме?!

Лариков вытаращился на Пенса в нескрываемом удивлении. Пенс устало опустился на стул. Возражать и доказывать свою правоту ему не хотелось.

– Как ты все это видишь? Мы разгуливаем по этому чертову Заманчивому и…

– Разъезжаем, – поправил его Пенс.

– Ну, это еще хлеще! Этакая парочка «голубых» байкеров! Или мне тоже прикажешь разжиться своей «Якудзой»?

– «Судзуки», – терпеливо поправил Пенс. – Но если сможешь, разживись «харликом».

– Все равно, мы разъезжаем туда-сюда, сами не знаем куда, и пытаемся выяснить, где живет эта паршивка Лена! Во-первых, взгляни за окно, октябрь уже кончается! Там и нет, наверное, почти никого!

– Тем лучше, – меланхолично заметил Пенс.

– Чем? Тем, что и спросить не у кого будет?

– Да нет, просто не так уж много в это время года обитаемых дач. Значит, есть вероятность обнаружить ту, на которой есть движение.

Ларчик хотел возразить, но прикусил язык и задумался.

А ведь в речах этого отрока присутствует здравый смысл, ей-богу!

Правда, в отличие от него, Лариков был почти на девяносто процентов уверен, что Александра сама куда-то сбежала, не выдержав его зверств с постоянным отказом в выходных днях. Но в то же время он знал, что вряд ли…

Ах, вот в чем дело! Все-таки Ларикову было непонятно, как это всегда такая аккуратная Сашенька не выключила компьютер? Или Лена ее уволокла силой?

И опять же, куда деться от показаний старой перечницы Лионкиной, которая с плохо скрываемым злорадством расписывала, как вусмерть пьяную Сашеньку волокли в машину, по форме напоминающую гроб на колесах?

А на гроб похожа только одна машина.

Лимузин.

– А ведь ты прав, – задумчиво согласился Лариков. – Найти их, конечно, будет не самым простым дельцем, но…

Он посмотрел на Пенса, который поднял на него глаза, полные надежды, и закончил свою мысль:

– Но в принципе можно постараться! Лимузины-то не на каждом шагу встречаются… Вот сначала мы это и выясним. У кого в нашем славном городке Тарасове наличествуют эти дорогие машинки…

Он набрал номер своего знакомого из ГИБДД.

Если все получится так, как он планирует, они довольно

быстро найдут свою заблудшую овечку Александрину.

Хотя…

Лариков посмотрел за окно. Золотые листья, тихо шурша, обреченно падали на землю, навевая на него грустное настроение.

Почему он так уверен в успехе почти безнадежного предприятия?

Ах, если бы сама Александра бросилась на свои собственные поиски, она бы вряд ли унывала!

Лариков вздохнул. Знала бы эта рыжая, неукротимая и взбалмошная девица, как ее не хватает!

Глава 4

Весь день я ничего не делала и начала понимать, что нет на свете занятия, более всего способствующего депрессии, чем безделье.

Я посмотрела какую-то серию о Нэше Бриджесе, потом почитала книжицу про страстную любовь, а день тем не менее не собирался кончаться!

Попугай мирно дрых, а за окном поднялся ветер, принеся с собой непогоду и холод.

Поэтому, когда дверь в очередной раз открылась, я обрадовалась даже рослому амбалу, занявшему своей фигурой весь дверной проем.

Наконец-то моя участь прояснится, подумала я, рассматривая его мощный торс. Не знаю, можно ли было доверять Филиппу, но хотелось по-детски верить, что вреда мне тут никто причинять не собирается.

– Он ждет, – поведал мне амбал, не переставая двигать ритмично челюстями.

– И что теперь? – невозмутимо поинтересовалась я. – Во-первых, чего он ждет? Во-вторых, кто этот самый «он»? И в-третьих, вы знаете, что уголовным правом киднеппинг ни в коей мере не поощряется?

Амбал на мои цветистые речи не обратил никакого внимания и повторил точно с такой же интонацией, как и прежде:

– Он ждет.

О, боже!

Мне не хватало Паши с его постоянными заверениями в том, что он хороший, так мне послали еще и этого типа, который и вовсе непонятно выражается!

– Я вас расслышала, – кивнула я. – Но, прежде чем я двинусь с места, дабы выполнить ваше бесподобное по осмысленности приказание, я все-таки хотела бы узнать, кто меня ждет и где.

Амбал выпялился на меня, и я была готова поклясться, что он пытается подумать! Во всяком случае, он нахмурил свой лоб и зашевелил губами, как будто пытался первый раз в жизни произнести слово «мама».

Конечно, слово это чрезвычайно сложное, и сразу у него ничего не получилось.

Он беспомощно оглянулся и гаркнул во всю мощь своих здоровых легких:

– Лена!!!

Я вздрогнула от его выкрика и подумала, что даже если упомянутая Лена в данный момент мирно почивает на самом отдаленном облаке, она уже наверняка должна примчаться.

Я продолжала стоять, скрестив руки на груди. Лена довольно долго не являлась.

Амбал совсем, похоже, растерялся и теперь озирался вокруг, переводя взгляд с меня на проснувшегося попугая, который не замедлил изречь, что он самый красивый, и тут же

снова заснул.

– Неужели вам так трудно сказать, кто меня ждет? – тихо спросила я, окончательно решив добить несчастного своей безупречной интеллигентностью.

– Что ты кричишь? – вдруг услышала я женский голос. Неужели мой тихий вопрос был расценен, как крик?

Но слова были адресованы амбалу, а прямо на меня смотрела весьма неординарная особа.

– Она не хочет идти к нему, – мрачно пожаловался амбал.

Девица оглядела меня с ног до головы взглядом таким же ледяным, как вода у нас в душе летом, и фыркнула.

– Ну, так отнеси…

С этими презрительными словами она повернулась ко мне спиной, давая понять, что все бесценные указания она уже дала, а следовательно, разговор окончен.

Я ошалело смотрела на ее спину.

Ну и контингент в этом отеле, не приведи господи!

Заметив, что покорный воле этой красивой фурии амбал намеревается взять меня на руки, я стукнула его по рукам и сообщила, что так уж и быть, дойду сама.

Пока они сыграли один-ноль в свою пользу. Но только пока… Я двигалась по коридору, освещенному лампами дневного света, и твердо знала, что живой я им не дамся!

* * *

Лариков в очередной раз попробовал постучать в воротца небольшой дачки и развел руками.

– Похоже, дачный сезон закончился, – сказал он, пытаясь скрыть собственное отчаяние. – Никого. Пенс прислонился к «Судзуки» и курил.

– Ну здесь и эклектика, – заметил он, оглядывая окрестности Заманчивого.

Среди старых, типовых коттеджей возвышались замки, как бы подчеркивая свои персональные права на роскошь.

– Да уж, рядом с маленькими домишками эти красавчики выглядят весьма нагло и непристойно, – согласился Ларчик.

– Да мы бы тоже такие построили, – услышали они женский голос за спиной, – да вот проблема, когда мы тут застраивались, нам нельзя было строить так, как хочется. Не дай бог из общего ландшафта вылезешь…

Обернувшись, Лариков увидел симпатичную женщину с ведром, наполненным тем жизненно необходимым веществом, которое именуется «гумусом».

– Ищете кого-то? – поинтересовалась местная леди, перекидывая привычную тяжесть в другую руку.

– Давайте я вам помогу, – Пенс, не дожидаясь разрешения, отнял у женщины ведро.

– Спасибо, – улыбнулась она.

– Мы действительно пытаемся найти дачу одной особы, – сказал Лариков. – Только фамилию не знаем… Понимаете, наша знакомая уехала к этой особе на дачу, и известно только, что ее зовут Лена.

– Лена? – женщина нахмурилась, пытаясь припомнить хоть одну Лену. – Лена, Лена… Тут есть две Лены, но их сейчас нет. Одной пятьдесят лет, другой – девять. Ваша знакомая какого возраста?

Конечно, Сашка могла подружиться с кем угодно. Хоть с девочкой девяти лет, хоть с дамочкой. Характер у Сашки подразумевает подруг любого возраста. Но с одним условием. Если эту особу не зовут Леной. У Сашки аллергия на это имя…

– А вы не видели тут, случайно, такую рыжеволосую девушку, стройненькую, невысокого росточка? – спросил Ларчик, так как ни пятидесятилетняя, ни девятилетняя Лены его не устроили.

– Я ж только на один день приезжаю, – развела руками дама. – Может, она и встречалась, только все бегом, ни на кого внимания толком не обратишь… Розы, вот, укрою от мороза – и быстрее домой, в Тарасов, там дел тоже невпроворот!

– На нее бы вы обратили внимание, – нежно сказал Пенс. – Она яркая и живая. Как солнышко…

– Знаете, вы спросите у Антона Ивановича, – вспомнила женщина. – Он вон там живет, на даче художников. Вот Антон Иванович тут до белых мух торчит, и плюс он все вре-

мя гуляет по окрестностям. Виды для пейзажей подбирает. Может, он и девочку вашу видел, и про Лену эту что-нибудь знает. Конечно, слабая надежда, но попытаться можно.

– Спасибо, – в один голос поблагодарили женщину Ларионов и Пенс и отправились к полуразвалившемуся особняку, прекрасно видному со всех сторон, так как находился он на склоне горы.

* * *

Массивная дверь открылась, впуская меня в залу. Не буду ее описывать, поскольку сделано там все было роскошно, богато и малость безвкусно.

Ну там и компания собралась! Мне как-то сразу вспомнился фильм «В джазе только девушки», и я, как всегда, не сдержавшись, пропела:

– Он был хорошим парнем…

Мой сопровождающий шутку не оценил, злобно и озабоченно скосив на меня свой глаз.

Публика, представшая моим очам, была в черных костюмах, в носках ослепительно белого цвета, в таких же рубашках… Сопровождали представителей нашей новой «элиты» дамочки разного телосложения – от очень полных до стройных. Все они разом повернулись ко мне, застыв на месте.

Филипп, резко обернувшийся на скрип двери, увидев меня, почему-то просиял, как от невиданного счастья, обру-

шившегося ему на голову нежданно-негаданно, и, оставив своего собеседника, в котором я узнала Лицо, Приближенное к Губернатору, быстро направился ко мне.

– Сашенька, как я рад вас видеть. Не бойтесь этих людей – я не дам вас в обиду…

Он наклонился и поцеловал мне руку, после чего, придерживая меня под локоть, подвел к столу, под обстрелом удивленных и возмущенных глаз.

Конечно, я выглядела несколько скромнее присутствующих тут дам, поскольку на мне были все те же насмерть изношенные джинсы и мой любимый свитер, сто лет назад вышедший из моды. Дамы же сверкали бриллиантами и рубинами, а одеты они были в стиле двадцатых годов. То бишь в маленькие платьица, которые на некоторых грозили треснуть по швам, или в блестящие декольтированные балахоны.

Я, конечно, среди них выделялась.

Впрочем, если я сначала и стушевалась, то под воздействием моего спутника быстро успокоилась.

Он бережно усадил меня в кресло и, немного склонив голову, поинтересовался, позволю ли я ему налить мне шампанское.

Кивком головы я ему милостиво это позволила. Шампанское тут подавали в высоченных бокалах.

Кроме этого, играла тихая музыка.

«Похоже, Александра, мы с тобой попали на тусовку вампиров», – подумала я, оглядывая изысканное общество.

Причем самое странное, что главный Вампир, который, словно орел, кружил надо мной, как ни странно, не был так уж мне неприятен!

– За нашего Филиппа! – провозгласило тост Лицо, Приближенное к Губернатору. Я с любопытством посмотрела в его сторону. Обычно я видела его по телеку таким высокомерным, но теперь он лучился подобострастием, и, как мне показалось, стоило Филиппу шевельнуть пальчиком, как Лицо распласталось бы на полу и ожидало бы его дальнейших распоряжений, как верный пес.

«Интересно, – подумала я, украдкой рассматривая Филиппа. – Кто же он у нас такой? Неужто и правда – новоиспеченный граф Дракула? И зачем ему понадобилась маленькая, скромная Сашечка? Денег у него, похоже, и без моего выкупа полно – обойдется как-нибудь. Да и куда выгоднее украсть вот это самое Лицо, толку выйдет больше. И напрягаться не надо – просто напоить его и запереть с попугаем вместо меня!»

Впрочем, взглянув на лысого и краснолицего Приближенного, я содрогнулась от сознания того, какую печальную участь я уготовляю несчастному Паше! Вряд ли эта рожа оценит словарный запас гениального попугая!

Меня, конечно, сверлили взглядами со всех сторон, особенно старались женщины. Но я держалась.

Мне было даже любопытно. Не каждый день тебе улыбается такая удача – понаблюдать за вампирами в домашней

обстановке!

* * *

Подойдя к даче, Лариков осмотрелся. Пенс подрулил сзади тихо и, остановив байк, спросил:

– Ну? Здесь тоже облом?

Лариков пожал плечами и подергал покосившуюся калитку, которая тут же поддалась его уговорам и открылась.

Ступив в сад, Ларчик присвистнул.

– Похоже на последний оплот аристократии… Сейчас из этого полуразвалившегося особняка выйдет Раневская…

– В этом доме, милостивый государь, – передразнил его Пенс, – скорее всего располагались конюшни означенной дамы. Наша аристократия в таких домишках не жила.

Они прошли в глубь сада молча, пытаясь уловить хоть какое-то движение внутри дома.

– А вот и нет тут никого, – разочарованно протянул Лариков, в сердцах пнув запертую дверь. – Не везет нам с тобой, Сереженька!

Они обошли дом в надежде обнаружить следы пребывания здесь человека, но дом отвечал им полной тишиной.

– Ладно, – махнул рукой Пенс, доставая сигарету. – Придется нам еще долго шарить в окрестностях.

В это время в доме зазвонил телефон.

– Слышишь, – шепотом спросил Лариков. – Те-ле-фон…

– И что? – непонимающе вытаращился на него Пенс. – Это может быть сотовый.

– Все равно. Значит, тут кто-то есть, и еще… Помнишь, Галине Михайловне эта Лена звонила из Заманчивого?

– Ну?

– От соседей.

– И что дальше-то? – все еще недоумевал Пенс. – При чем тут Сашка? Или ты думаешь, что она не выбралась бы из этой развалины?

– Ничего я не думаю, – сказал Лариков. – Я думаю только о том, что нам надо обязательно отыскать хозяина этой храмины. Плюс ко всему, если у него там надрывается телефон, значит, он находится где-то неподалеку…

* * *

Мое присутствие на этой вечеринке грозило обернуться массой лишних килограммов.

Уж что-что, а поесть они тут были горазды!

Самое большое впечатление на меня произвела дама с большим, почти неприкрытым бюстом, томно пожирающая оливки. Ее губы были ярко накрашены, а зубы, как один, восхищали вставной белизной. Правда, когда она открывала рот, мне становилось страшно, поскольку ее рот был размером с мою голову, а взглядами она меня периодически одаривала, прямо скажем, недобрыми.

Впрочем, на меня тут все смотрели неодобрительно. Не пришлась я к местному двору, что и говорить! Впрочем, если разобраться, я ведь и не напрашивалась особенно.

Кто-то произносил тосты, скучные до омерзения, и все они прославляли Филиппа.

Он пользовался бешеной популярностью среди женской половины. Не было ни одной вампирши, не посмотревшей на него сладострастным взором.

Но особенно старалась высокая девица, с красивым и злым лицом. Она была явно взбешена, что было заметно по тем остервенелым взглядам, которые она бесстрашно пуляла в Филиппа.

А он смотрел только на меня, как будто я была королевой Великобритании, и я начала чувствовать себя очень неуютно.

Поскольку в моей голове сложился уже образ страстно влюбленного вампира, и я, представьте, совершенно не знала, что надо делать с этой породой?!

* * *

Он появился возле калитки в тот момент, когда у Ларикова и Пенса почти истощился запас надежд.

Лысый старикан с чуть оттопыренной нижней губой.

Заметив пришельцев, он остановился, немного испуганный их появлением, но, поняв, что они вполне мирные, ши-

роко заулыбался и подошел к ним.

– День добрый, молодые люди! По какому делу зашли?

– Мы ищем Антона Ивановича, – сообщил Ларчик.

– Это я, – кивнул старикан. – Сейчас только, погодите минутку. Там телефон надрывается!

Напевая под нос песенку герцога из «Риголетто», старикан бодро взбежал по ступеням, но очень скоро вернулся.

– Не успел, – расстроенно развел он руками. – Ну да ладно. Кому надо – еще позвонят.

– Вы не знаете Лену? – с места в карьер начал Лариков.

– Лену? – удивился Антон Иванович. – Да вы в дом войдите. Лен я знаю много.

– Нет, эта Лена должна быть где-то здесь. На дачах.

– Нет, здесь Лен я не видал.

– А звонить к вам никто не заходил?

– Нет, – старик растерянно развел руками. – Вот уж это точно…

– Понимаете, – сказал Пенс, беря инициативу в свои руки. – У нас пропала одна наша знакомая. Такая рыжеволосая девушка. В джинсах и старом свитере с мишками…

– И вы думаете, что я ее видел? Ее зовут Лена, да?

Пенс содрогнулся. Да уж, страшно представить, что бы сделала с собой Сашка, если бы ее так звали!

– Нет, – покачал он головой. – Леной зовут ту женщину, которая звонила нам из Заманчивого.

– Рад бы помочь, но хорошенькую рыжую девицу я бы на-

верняка запомнил. Все-таки художник…

– А позвонить можно? – поинтересовался Лариков.

– Конечно, звоните…

Старик широким жестом пригласил их в дом.

Дом был старый и весь пропах сыростью. По углам свешивалась паутина, но, несмотря на это, внутри было очень уютно.

– Вы один живете?

– Конечно, – пожал он плечами. – Летом тут полно народу, а осенью я один. Разве что иногда гости понаедут на пленэр… Да и соседи, как октябрь, все разъезжаются. А мне хорошо здесь, спокойно. Чай будете?

– Нет, – отказался Пенс.

– Жалко.

Лариков заканчивал разговор.

– Повторяю, – бубнил он в трубку, – лимузинов три, один у Маркелова, владелец второго – старый Поздяков, а третий – у Филиппа Волкова. Все верно я понял?.. Спасибо. Потом объясню, зачем. Да уж, компания славная, ничего не скажешь… Да нет, именно лимузин по описаниям.

Он повесил трубку и растерянно посмотрел на Пенса.

– Похоже, нам надо вернуться в Тарасов, проверить вот эту троицу. Надо сказать, все молодцы хороши. Просто один другого краше…

Он явно расстроился, но тем не менее не забыл дать старику свою визитку.

– Антон Иванович, если вы вдруг увидите тут рыжеволосую девицу по имени Саша или вспомните нечто про эту самую Лену, вдруг вы все-таки ее встречали здесь, но просто забыли, будьте так добры позвонить.

– Обязательно, – старик спрятал визитку в карман засаленных джинсов. – Непременно позвоню.

Они распрощались.

Когда Пенс и Лариков вышли на улицу, Пенс спросил:

– Так что у нас там за компания получилась?

– Хуже некуда, – махнул рукой Ларчик. – Дай сигарету.

– Ты же не куришь, – возразил Пенс, тем не менее протягивая сигарету.

– В такой ситуации я наркотики начну скоро употреблять, – проворчал Лариков. – Если то, что мне сообщили, правда, то пиши пропало для нашей красотки. Потому что все владельцы лимузинов люди с богатым криминальным опытом. А двое из них вообще страшные личности. Ладно Поздяков, он просто ворюга со стажем. Зато вот Маркелов с Волковым – самые настоящие барракуды. Особенно Волков. Этот голубчик где только не засветился, не зря его в народе Дракулой зовут.

Он махнул рукой и сел на мотоцикл. Страх за Сашку теперь куда как усилился, а надежды…

Надежды ее найти, как грустно признал Лариков, почти иссякли!

Глава 5

То, что поначалу меня забавляло, сейчас начинало действовать мне на нервы.

Побродив по залу, лавируя между озлобленными девицами с натянутыми улыбками, я поняла, что озвереть можно не только от постоянных эманаций злости, направленной именно на твою скромную особу, но и от запаха дорогих духов, которые, смешиваясь, уже давили мне на психику.

Вся компания усиленно косила под аристократический бомонд, и мне хотелось только одного – вырваться отсюда. Найти этот идиотский выход, пусть даже мне придется проползти на пузе под землей, но вырваться!

Я сейчас была готова разреветься от тоски, так мне хотелось оказаться в комнате со стареньким торшером и с моим любимым ковриком…

Почему-то именно от воспоминаний о нем в носу предательски защипало.

Господи, ну зачем, зачем я им тут понадобилась?

Я снова и снова обводила собравшихся взглядом, пытаясь угадать их намерения. Судя по большинству взглядов, намерения у них были нехорошими.

– Александрина, – мягко дотронулся кто-то до моего плеча.

Я резко обернулась и встретилась взглядом с Филиппом.

– Может быть, вы все-таки объясните мне, что здесь происходит, – плохо сдерживая приступ бешенства, спросила я. – Какого черта вы пихнули мне в нос вонючий платок и притащили в эту канализацию, обитатели которой похожи на вампиров в отставке?

Он тихо рассмеялся.

– А хорошо вы тут всех охарактеризовали. Кстати, вам ведь ужасно интересно, кто эти люди?

– Нет, – брякнула я сгоряча. На самом деле мне, конечно, было интересно до смерти, но не могу я показать своего интереса врагам! Пусть думают, что они меня совершенно не волнуют!

Он взял меня под локоть и подвел к столу. После этого постучал ложечкой по хрустальному бокалу, призывая публику к вниманию, и торжественно объявил:

– Дамы и господа! Сейчас я открою вам причину, по которой я собрал вас в неурочный час!

Он взглянул на меня с какой-то потрясающей, нежной насмешкой и продолжил:

– Разрешите представить вам мою…

Мне показалось, что все задержали дыхание. Множество взглядов вперилось в меня с такой ощутимой физической ненавистью, что я почувствовала, с каким наслаждением они содрали бы с меня кожу! Ах, как бы они вонзили свои наманикюренные коготки в мои невинные глаза! Их улыбки источали столько яду, что хватило бы всему отравительскому

клану Медичи лет на сто вперед!

– Мою невесту, – закончил Филипп свою потрясающую речь.

* * *

Начать Лариков решил с господина Поздякова. Он долго колебался, потому что по его строгому, вынесенному из детства, убеждению начинать всегда стоило с худшего, а лучшее оставлять на потом.

Но сейчас он надеялся, что старый Поздяков, по крайней мере, если и не замешан в деле похищения Александры, то может что-то знать о своих «младших» соратниках.

К тому же однажды, еще будучи следователем прокуратуры, Ларчик оказал этому самому Поздякову услугу – совсем маленькую, незначительную, но Поздяков поклялся быть ему по гроб жизни благодарным, что, в общем-то, было не так уж трудно, поскольку «гроб маячил уж недалече».

Поэтому Лариков, подумав, решил навестить больного и немощного старика, вот только стоило ли брать с собой Пенса?

Этого он никак решить не мог. Не потому, что не желал подвергать Пенса риску, а просто в связи с Пенсовым неукротимым нравом – не приведи господи что-то в поведении Поздякова покажется Пенсу неправильным, тогда Пенс может начать хамить, а хамства в свой адрес Поздяков не

переносил.

Как все люди преклонного возраста, Поздяков, начисто забыв, каким он был в далекой молодости, теперь требовал полного уважения и почтения к своим сединам, а стаж пребывания в местах отдаленных и зарешеченных с гордостью относил к долгому трудовому подвигу во имя отчизны.

К счастью, все решил сам Пенс, который, догадавшись о лариковских колебаниях, смиренно сказал:

– Я потерплю. Я вообще молчать буду.

Лариков прикинул, насколько смелое утверждение соответствует истине, но, взглянув в кристально честные глаза, поспешно согласился.

В конце концов, вдвоем посещать уголовных стариканов куда веселее, чем в одиночку!

* * *

Я с интересом посмотрела на дверь, ожидая эту самую «счастливую избранницу». Дверь была закрыта, и никто входить не собирался.

При этом все собравшиеся пялились почему-то именно на меня. Некоторые при этом абсолютно перестали скрывать злость и теперь явно готовились впиться зубами в мою бедную шею.

Еще один вопрос продолжал беспокоить меня – неужели я такая важная особа, что без меня Филипп никак не мог объ-

явить о своей помолвке? Я прямо какой-то «свадебный генерал» получилась! Наверное, именно по этой причине Лицо, Приближенное к Губернатору, не сводило с меня крайне злобного взгляда маленьких глазок. Конечно, ты думаешь, что это ты – «свадебный генерал», а тут приволакивают какую-то девчонку в драных джинсах! Наверное, пришел тот момент, когда хиппи отошли в историю и любой из неформально выглядевших граждан может смело рассчитывать на особенное положение!

Однако Филипп продолжал держать меня за руку и пожирать меня страстным взором. Я, все еще стараясь отодвинуть противную истину подальше, попыталась выдернуть свою руку.

С тревогой посмотрев на Филиппа, я постаралась опять не поверить нехорошему предчувствию, но…

– Вот моя невеста, – с угрожающей, не терпящей возражений нежностью сжал он мою ладонь. – Александрина.

* * *

Поздяков проживал на окраине города, из сентиментальных побуждений твердо решив, что навеки не покинет те места, в которых родители произвели его на свет.

Правда, теперь он жил не в полуразвалившемся бараке, с одной общей кухней на пять семей, а в отлично обустроенном особняке, но дело было не в этом.

Сам Поздяков считал, что он таким образом сохраняет верность предкам. Хотя вокруг его суперхрамины ютились курятнички, он не грустил. Когда-то их семья тут считалась самой бедной, и ему, Саньке Поздякову, доставалось по первое число. Зато теперь его дом обходили стороной, а если кто и плевался при виде Александра Евгеньевича, то уж никак не в лицо.

В лицо ему заискивающе и угодливо улыбались. Причем те же самые люди, что раньше кидали в него камни.

Он преспокойно доживал свои дни в неге и холе, с преступным миром поддерживал связи чисто визуальные, а сам как бы вышел на пенсию.

Поэтому, когда в тот день он мирно раскачивался в кресле-качалке, досматривая очередную серию «Крестного отца», и в его дверь позвонили, а охранник Витек доложил, что пришел некий Андрей Петрович Лариков, старик не сразу вспомнил, кто это такой.

А когда вспомнил, долго морщил лоб, думая, что могло привести сюда «мента поганого», но, прикинув, что ни в каких темных делишках замешан не был, кивнул головой, приказал: «Зови!» – и раскрыл дружеские объятия для вошедшего Андрея Петровича.

– День добрый, Андрей Петрович! – проворковал он, щеря рот в беззубой улыбке, при этом с глазами настороженными и недоверчивыми. – Не чаял твоего прихода! По доброму делу или?

– Нет, – покачал головой Лариков. – Дело у меня плохое. Помощь твоя нужна, Александр Евгеньевич. Очень нужна…

У Поздякова отлегло от сердца. Значит, не по его душу, а что до помощи… Он помнил, как из жалости к нему Лариков когда-то сделал ему доброе дело. И теперь Поздяков был его должником, а долги надо отдавать. Это было его святое убеждение.

– Чем смогу, – поклонился он Ларикову. – Проходите, ребятки. Чай сейчас поставлю, а вы мне расскажете, что за беда у вас приключилась и как старый Поздяков может вам это дельце разрулить.

* * *

Я застыла. Вид у меня был совершенно идиотский – рот открыт, а глаза вытаращились настолько, что грозились выпасть прямо в ладонь моего «дражайшего жениха». Вот этими самыми насмерть испуганными очами я и обвела присутствующих, пытаясь найти поддержку и участие. О, как безумно было это мое чаяние!

Их физиономии были точь-в-точь такими же перекошенными, как у меня. Только Филипп хранил полную невозмутимость. Он спокойненько выпустил мою руку и пригубил шампанское.

– Так что прошу любить и жаловать новоиспеченную госпожу Волкову, – миленько так улыбнулся он, даже не заин-

тересовавшись тем впечатлением, какое произвела на меня его пламенная речь.

Вокруг меня образовалось «блокадное» кольцо тишины. Лицо, Приближенное к Губернатору, истерически зажевало салатик, девица с красивым и злым лицом, пребывающая по правую руку от Лица, смотрела в одну точку, полненькая дама напротив явно грозилась разрыдаться, ковыряя вилкой ни в чем не повинную колбасу, а другая дама с лысеньким мужичком посмотрела на меня осуждающе. Правда, сидящая рядом с ним по левую руку девица с насмешливой рожицей взвизгнула радостно и прокричала:

– Виват!

После этого неурочного вопля она тут же выпила залпом бокал шампанского и заговорщицки мне подмигнула, не обращая никакого внимания на озлобленные взгляды своих маменьки и папеньки.

Филипп обвел почтенное собрание довольным взглядом маркиза де Сада, которому удалось замучить огромное количество жертв сразу, и невинным голоском спросил:

– Почему вы меня не поздравите? Вы не рады за меня?

Он, похоже, забавлялся ситуацией в отличие от меня. Я начинала злиться.

– Браво, – проворчала я тихо. – Правда, не очень-то понятно, почему я об этом узнаю в последнюю очередь!

– Я думал, вы из породы романтиков, – шепотом ответил он мне. – Я вам совсем не нравлюсь? А вот эти барышни спят

и видят, как бы им выйти за меня замуж. Но вы не волнуйтесь, потому что вам повезло. Счастливый лотерейный билет вытянули вы.

– Ага, – кивнула я. – Только вот вопрос, надо ли мне было его вытаскивать. Я как-то в ближайшие пятьсот лет замуж не собиралась.

Я раздумывала, не потребовать ли от него сначала представиться маменьке и заручиться ее согласием, но, вспомнив, как сюда доставляют возможных «родственников», живо представила себе, как мамочку уволакивают крепкие бандиты прямо от ее любимого сериала, и мне стало страшно.

Нет уж, надо выбираться самой.

– Сашенька, не расстраивайте меня!

Его брови угрожающе сдвинулись в одну линию, и сейчас я реально поняла, что, когда он расстраивается, он становится опасным для окружающих. То есть я обречена скорее всего на участь всех жен Синей Бороды, поскольку я создана исключительно для того, чтобы расстраивать все мужское население нашей многострадальной планеты.

Он, впрочем, взял себя в руки, и теперь его глаза снова светились безграничной любовью. Он даже коснулся губами моей руки и прошептал:

– Я ведь люблю вас, Сашенька!

«Вот еще напасть какая, – встревоженно подумала я. – Просто кошмар! Не мог в кого-то еще влюбиться! Надо ж ему было именно меня углядеть в толпе!»

– Знаете, я увидел эту девушку первый раз случайно.

Он рассмеялся. Как ребенок, который получил наконец-то вожделенную игрушку.

– Она стояла на остановке такая печальная… Я неотступно следовал за ней и проследил ее путь до самого дома, любуясь каждым ее движением. Как я мог подойти к ней? Но жажда моя становилась все сильнее и сильнее, любовь стискивала мою грудь…

«О, господи! – с ужасом подумала я. – Похоже, он зачитывается любовными романами! Во всяком случае, шпарит, прямо как цитирует. Мама, пожалуй, не преминула бы дать свое согласие на наш брак. Нет, никогда! Я не должна этого допустить, иначе господь не простит мне такого грехопадения моей несчастной матери!»

– И тогда, господа, я решился на необдуманный поступок. Я совершил подвиг во имя любви, не видя иного выхода завладеть этим рыжеволосым сокровищем! Я ее похитил!

Он явно гордился собой. Остальные же смотрели на него, как на полного придурка, мне его даже стало жаль, просто дитя, которого не хотят понять взрослые дяди и тети!

– Теперь мое сокровище перед вами. Конечно, сначала я должен был представить ее вам. Хочу вам сразу сказать, что все возражения по поводу моего выбора я считаю крайне неуместными! Веселитесь, господа!

Похоже, он закончил свою пламенную речь. Наверное, надо было бы всем сразу разразиться аплодисментами.

Но все молчали, смотря в собственные тарелки, не осмеливаясь поднять глаз. Никто, похоже, после этакого сообщеньица веселиться не собирался.

Наконец тишину разрезал резкий смех и несколько театральных хлопков.

– Ты полная зараза, Филипп! – услышала я женский голос и подняла глаза.

Говорившая стояла у двери и смеялась. С удивлением я узнала в ней ту самую Лену, которая приказывала меня отнести на руках в случае сопротивления.

– Так вот, – продолжала она. – Ты полный кретин и придурок, потому что забыл назвать профессию твоей избранницы. Не боишься, что я сейчас назову место, где она работает?

Все замерли, разглядывая ее с интересом.

– Я и сама назову, – встряла в разговор я. – У меня, слава богу, пока еще присутствует язык.

Филипп больно сжал мою руку.

– Лена, мы с тобой поговорим потом, – многообещающе заявил он.

– Да, поговорим, – вскинула она голову и насмешливо улыбнулась. – Я в этом не сомневаюсь, что нам с тобой есть о чем поговорить.

И, развернувшись на высоченных каблуках, она исчезла за массивной дверью так же быстро и неуловимо, как и появилась.

* * *

Да уж, вечеринка удалась на славу!

Правда, с невестой им явно не подфартило. Не собираюсь я сидеть тут, как овечка на заклании!

Я успокоилась и теперь рассматривала моих будущих «друзей» с веселым и злым любопытством. Наевшись вкусных деликатесов и Филипповых странных выходок, они – как бы это повежливее выразиться – «утерлись» и теперь порхали вокруг меня, как стайка разжиревших бабочек.

Филипп не отходил от меня ни на шаг. Все время, пока я принимала поздравления.

– Надеюсь, вы сполна оцените свое счастье, – прошипела мне в ухо полная дама, которую, как выяснилось, звали Аллой Ивановной. – Вам ведь крупно повезло, милочка!

Безрадостная девица с длиннющим носом оказалась ее родной дочерью, и она присовокупила к мамашиным поздравлениям кислую улыбку и жадный взор в сторону Филиппа. Я вздохнула, поскольку определенно без лишних сомнений пожертвовала бы своим счастьем в ее пользу.

Они жали мою руку своими потными лапками и что-то щебетали. Кажется, Алла Ивановна решила, что раз уж не вышло получить жениха, то пускай хоть дочка обретет полезную подружку в моем лице. Поэтому она бесконечно расхваливала «Тамочкины» таланты и ее добрый нрав, о кото-

ром было совершенно невозможно догадаться из-за злых маленьких глазок.

Когда Тамочка с ее невыносимой матерью отчалили в сторону, ко мне подкатилось подобострастное Лицо, держащее под локоток красавицу дочку. Лицо попыталось изобразить на своем горестном лице веселую улыбку, что получилось у него слабовато, но его дочь вдруг зыркнула на меня глазами и, дернув отца за рукав, сурово сказала:

– Пойдем, папа. Ты раскланиваешься с этой…

Взгляд, последовавший за этой неоконченной фразой, явно указывал надлежащее мне место.

Когда, с трудом держась на своих высоких шпильках, подошла изрядно опьяневшая дружелюбная крикунья, я уже плохо соображала.

– Не обращай на этих козлищ внимания, – посоветовала она мне. – Если будут обижать, зови.

Я кивнула, не пытаясь заверить ее, что и сама вполне способна не дать себя в обиду. Она подарила мне еще одну пьяную улыбку и ушла к маменьке с папенькой, которые решили, что я обойдусь без их раскланиваний.

Слава богу, народу было немного, и я почти успокоилась – конец моего аутодафе был недалече.

В принципе, так и случилось. Одарив меня поздравлениями, публика начала разбредаться по уготованным комнатам, из чего я заключила, что мы не в Тарасове.

Мы остались вдвоем с моим «нареченным».

Глава 6

Признаться, долгие рассказы о мучивших хитрого старикашку грыжах и подаграх и плачи о потерянном на «рудниках» молодецком здоровье вызывали у Пенса нетерпеливое желание шваркнуть этого благообразного старца прямо по головке, увенчанной короткими седыми волосами, и потребовать, чтобы он немедленно выслушал их. Однако у Ларикова терпения было побольше, и он сочувственно кивал, слушая эту ужасную дребедень.

– Вы вот, молодой человек, меня не слушаете, – укоризненно сказал старик Поздяков, сверля Пенса неодобрительным взглядом глубоко посаженных глазенок, – оно и понятное дело. Придумывает все занудный старик, и никаких таких болезней нету у него. Вот стукнетесь головой-то, все узнаете.

Пенс вздрогнул. Старик глядел на него хитренько, с прищуром, как Ленин на портрете в старом «Букваре», и на одно мгновение Пенсу почудилось, что старикан прекрасно читает мысли. Или вообще колдун.

«Ну и пускай, – решил Пенс, покорный обстоятельствам жизни. – Может быть, он так быстрее найдет Сашку, используя свои колдовские методы».

Наконец, причмокивая, Поздяков покончил со сто двадцатой чашкой чая внушительных размеров и кивнул:

– Рассказывай, что за беда приключилась?

«За это время, – озлобленно подумал Пенс, – Сашку уже вывезли в страны шариата и теперь толкают с рынка в качестве наложницы в гарем Хаттаба. Конечно, беда этому гарему, может, и правда, Сашку украли наши спецслужбы, поняв, что, если ее подсунуть террористам, всех террористов ожидает мучительная смерть от ее причуд?»

– Да девушка пропала, – печально сказал Лариков.

– Твоя? – охнул старикан, по-женски всплеснув короткими ручками.

«И как он этими ручонками воровал? – подумал Пенс, как зачарованный смотря на эти аккуратненькие ручонки с пальчиками-колбасками. – Ума не приложу!»

– Моя, – развел руками Ларчик. – И увели-то из-под носа. Говорят, на лимузине увезли…

– Ах, черт! Только три есть. У меня, Маркела и Волчонка.

– Знаю, – кивнул Ларчик.

– Я не в счет, можешь проверить…

– Это я тоже знаю.

– Получается, у нас остаются только эти двое, – задумчиво прищурился Поздяков. – Ни тот, ни другой на звание людей добрых не тянут.

– Не мучайте нас, – не выдержал Пенс. – Я и так за Сашку боюсь.

– Получается, зря я сегодня на тусовку не пошел, – развел руками старик. – И Маркел там был, и Волчонок, само собой.

У него в Заманчивом все и было.

– Где? – в один голос закричали Пенс и Лариков.

– В Заманчивом, – повторил Поздяков. – Волчонок последнее время у нас как ненормальный бродил. А потом закупил себе какой-то бункерок в этом райском месте. Вот и собирал всех там. Маркел его ненавидит до полусмерти, но закон есть закон. Там бы я их и нашел обоих, а ведь и вашу девочку тоже, если…

Старик запнулся и осторожно поднял глаза на побелевшего Ларикова. Пенс не понимал, почему они вдруг так вот переглянулись.

– Ты так сразу не думай, – погрозил пальцем Ларикову Поздяков. – Может, это и не они еще девочку украли…

– Они, – обреченно выдохнул Ларчик. Теперь он уже и не чаял увидеть Сашку живой. Для чего нужны девочки на воровских сходах, он знал прекрасно. Правда, раньше довольствовались путанами, но, видимо, теперь требования возросли.

– Ладно, я туда съезжу. Засвидетельствую расположение… Хоть его-то наверняка застану, – решил старик и, с трудом разгибая спину, поднялся со стула. – Только вы туда пока не суйтесь. Нужны будете – найду сам. Пришлю своего пацана, он вам объяснит, как туда попасть…

Разговор был окончен. Лариков тоже поднялся и дал знак Пенсу, что пора и честь знать.

Они вышли, оставив Поздякова в глубоком раздумье. Де-

ло в том, что ему страшно не хотелось, чтобы девчонка оказалась там. Наверняка пришлось бы с кем-нибудь конфликтовать и ссориться. Либо с Волком и Маркелом, либо с Лариковым.

Этого дипломатичный Поздяков ужасно не хотел и от всей души желал, чтобы девицы там не оказалось или…

Он вздохнул. Нет, смерти он никому не желал, но если так будет удобнее всем, и в первую очередь – ему самому?

* * *

– Ну, – сказала я. – Настал момент все-таки объяснить ваши шутки, милостивый государь!

– Какие шутки? – заморгал он своими длинными ресницами. – Я не шучу.

– Ага, конечно, – рассмеялась я саркастически-горьким смехом. – Вы не шутите. Вы просто вот так развлекаетесь. Схватили девушку, приволокли ее прямиком на какой-то бал и заявили, что она должна стать вашей женой! Это ли не шутки?

– Нет, – покачал он головой. – Если вы немного успокоитесь, Александра Сергеевна, я все вам объясню.

– Я уже замучилась ожидать, когда вы это сделаете, – проворчала я. – И, если честно, давайте побыстрее, потому что я очень устала и хочу домой.

Он взглянул на меня, как на полную идиотку или человека

близкого к помешательству.

– Вам налить вина, – как ни в чем не бывало осведомился он, – или вы предпочитаете кофе?

– Я предпочитаю находиться дома, – начала терять терпение я, – и ничего не пить! Вообще ничего! Только воду из-под крана, причем желательно с большим содержанием хлорки!

Он усмехнулся и щелкнул пальцами. Прямо как какой-нибудь вывихнутый баронет из низкопробного романчика!

На пороге вырос тот самый вечно растерянный гоблин, что охранял от меня окружающее пространство, и воззрился на своего господина, ожидая дальнейших распоряжений.

– Принеси стакан воды. Из-под крана. Очиститель предварительно сними, – отрывисто и сухо командовал Филипп. – У мадемуазель сегодня отвратительное настроение.

– О, настроение у меня просто убийственное, – рассмеялась я зло. – В том смысле, что я мечтаю кое-кого убить!

– Меня? – спросил он как ни в чем не бывало.

– Именно, – подтвердила я. – Именно вас! И никого больше!

Амбал застыл, испуганно переводя взгляд с моего разъяренного лица на невозмутимую физиономию Филиппа.

– Тогда принеси еще револьвер, – распорядился тот. – Понял меня? Стакан воды с хлоркой и револьвер.

– Может, не надо? – немного осмелев, прогундосил амбал.

– Надо. Все, чего хочет эта женщина, хочет господь бог.

С ума сойти! Человек действительно поехал крышей на романчиках, о, мамочка!

Вот сейчас я точно испугалась. Потому что маньяк, начитавшийся любовной прозы, – это, простите, уже на грани ночных кошмаров!

* * *

Шикарный автомобиль ехал практически неслышно. Старый ворюга преспокойно отдыхал, откинувшись на удобном сиденье и прикрыв глаза. Со стороны он казался уставшим от жизни в высшем свете баронетом. Во всяком случае, именно этой иллюзией тешил он себя.

Мелькали навстречу чахлые деревья. Ах, как бы ему хотелось оказаться где-нибудь в Англии и ехать в старинное поместье!

«Хорошие мечты, да вот в чем проблемка. Ты не баронет. Не виконт. Старый вор. И в этой самой Великобритании у тебя бы так круто взлететь не получилось».

Он усмехнулся. Внутренний его голос был не прав.

Поздяков за время своей долгой жизни убедился в том, что хорошему вору в любой стране почет и уважение обеспечены. Хотя нынешняя поросль его не устраивала. Слишком жестокие пацаны, и никакого закона…

Мимо промчался лимузин. Резко затормозив, остановился.

Заметив это, старик сказал шоферу:

– Останови.

Он приоткрыл дверцу и стал ждать, когда к нему подойдет Маркел.

Слава богу, старшинство Маркел соблюдал четко, не то что Волчонок.

Он подошел в сопровождении своих бодигардов.

Только тогда старик вышел из машины и позволил Маркелу обнять себя.

– Давно не виделись, – сказал Маркел, совершив ритуальные объятия. – Что-то ты у Волчонка не был…

– Вот еду, – сказал старик. – Здоровье-то за деньги не купишь, а приступы стали непереносимыми. Как он там? Что за причина у него была для сбора?

– Жениться надумал, – осклабился Маркел. – Нашел себе какую-то девку в рваных джинсах и приволок ее знакомиться. Девка – сущая фурия, да еще и рыжая, как огонь! Не пойму я Волчару, ей-богу!

Если бы Маркел не был так занят собственной неотразимой персоной, он бы заметил, как веки старика дрогнули.

– Ну вот и славно, – пробормотал старик. – Пора ему остепениться. Что ж, поздравлю парня… А девушка согласна?

– А он ее и не спрашивал, – хихикнул Маркел. – Похоже, батя, он ее похитил. Она мрачная сидела и, как мне померещилось, охотно Волчару бы прирезала. Поменьше бы этот козел книг читал, толку больше бы выходило!

– В книгах вреда нет, – назидательно молвил старик. Они попрощались, так как разговор, когда ты уже выяснил то, что тебя интересовало, для Поздякова терял смысл.

Можно было сразу сообщить Ларикову, но старик, подумав, решил разобраться с этим безобразием сам.

Чтобы было меньше скандала. Хотя он и не был особенно уверен в успехе, но твердо знал – выход найти можно. Стоит только поискать.

* * *

– Однажды я ехал мимо остановки и увидел вас, ма белль… Вы стояли такая грустная, и солнце освещало ваши волосы. Казалось, что вы ангел, избранница, маленькая святая…

Он задумался.

– Бернадетта, – подсказала я.

– Кто? – вскинул он на меня удивленные глаза.

– Святая Бернадетта, – повторила я. – Или там еще какая святая.

Он рассмеялся.

– Так вот, ма белль Александрина, я замер на месте и не мог отвести взгляда. Когда столбняк прошел, я сказал себе – это должно быть моим.

Его голос стал холодным и властным, а палец уперся мне в грудь. Дабы у меня не оставалось никаких иллюзий отно-

сительно своей будущей судьбы.

Я сдержалась. Конечно, мне ужасно хотелось выругаться и при этом швырнуть в него что-нибудь увесистое.

Вот уж не хочу я, чтобы меня называли «это».

Дверь открылась. Мне протянули стакан с хлорированной водой и револьвер.

– Ну, так вот, милейший, – медленно и тихо, четко произнося каждое слово, сказала я, беря в руки и то, и другое. – «Это» вашим быть не собирается. «Это» или то, что вы «этим» называете, – вполне самостоятельная личность. И имеет, представьте себе, не только имя и фамилию, но еще и собственные планы относительно дальнейшего существования, в которое вы, милейший, никак не вписываетесь!

– Вы меня плохо знаете, Сашенька, – грустно покачал он головой. – Я не отказываюсь от своих намерений.

– Даже когда они заведомо глупы? – поинтересовалась я.

– О, это уж не вам судить!

– Что ж, – печально вздохнула я, направляя дуло револьвера на него. – Мне очень грустно, но…

– Стреляйте, – кивнул он, как ни в чем не бывало садясь в кресло. – Выпейте воды, чтобы не так нервничать, и спускайте курок. Вам показать, как это делается?

Он смеялся. То есть не откровенно, нет. Его лицо выражало просто вселенскую печаль, но глаза откровенно потешались надо мной.

Он дал знак растерянному амбалу выйти.

Я швырнула револьвер на гладкую поверхность старинного «Беккера» – рояль тихо и печально отозвался на мое бестактное движение, и, подавляя желание показать ему язык, сказала:

– Живите. Садиться из-за вас в тюрьму я не намерена.

– Ну, мы могли бы все обставить как самоубийство, – продолжал издеваться надо мной он. – Вы же детектив. Нет, мой ангел, дело не в этом. Вы просто не сможете меня убить, потому что я…

Он улыбнулся, разглядывая меня с некоторым оттенком самодовольства. И договорил:

– Потому что я вам нравлюсь.

Ну и нахал! От возмущения меня передернуло, и я сурово ответила:

– Вы бы поменьше этой бурды читали, голубчик. Может, тогда вы бы мне и понравились.

Я решительно выпила всю воду, со стуком поставила стакан на столик и пошла к выходу.

На выходе я обернулась и насмешливо сказала:

– Кстати, не трудитесь меня запирать. Я сама от вас всех запрусь – неохота мне вашими рожами лишний раз любоваться!

И быстро удалилась в отведенные мне покои.

* * *

Вечер опускался на город. Темнота навевала на Ларикова и Пенса отчаяние.

– Вот и день прошел, – сказал Лариков, и в простой констатации факта звучал страх за Сашку, который Пенс уловил без особого труда.

– Мы ее найдем, – в голосе Пенса прозвучала отчаянная решимость. – Чего бы это нам ни стоило.

Лариков усмехнулся.

– Знаешь, Пенс, если бы я мог понять, зачем они ее украли… Выкуп? Почему тогда молчат?

– Ну, может быть, выбирают удобное время.

Фраза прозвучала как-то неуверенно. Пенс без труда осознал, что сам не верит в то, что говорит. Но если они сдадутся и поверят в то, что Сашка никогда не появится в этой комнате и ее улыбка не осветит пасмурный день…

– Она бы никогда нас не бросила, – пробормотал он. – Ты это понимаешь? Верила бы до последнего, что она нас найдет.

– Только нас никто не крадет…

Лариков встрепенулся. Мысль, которая пришла ему внезапно в голову, казалась совершенно бредовой.

А кто их украдет? Зачем они нужны кому-то? Два мужика, никакого интересу красть их нет.

– Та-ак, – протянул Лариков. – У Маркелова, насколько мне известно, семья есть. И он по-своему привязан к своей жене.

– Что ты этим хочешь сказать? – вскинул глаза Пенс.

– То, что есть, – буркнул Лариков. – А вот Волков у нас еще молод и семьей не обзавелся. Кроме того, насколько я знаю, этот тип отличается склонностью к романтическим бредням в духе любовных романов.

– Я тебя не понимаю! – Пенс боялся поверить в то, что Сашку украли в приступе страстной любви.

– Она у него, – решительно сказал Лариков. – Она у него, можешь поверить мне на слово.

Он встал. Встал он своевременно, так как телефон, доселе молчавший, зазвонил.

Лариков поднял трубку, моля всех святых, чтобы это был Поздяков.

– Алло.

– Андрей? – в трубке взволнованный голос Галины Михайловны казался оглушающим. – Андрей, я тут подумала, что Саше уже бы пора вернуться. Ты ничего не знаешь про эту Лену?

Судя по ее голосу, у нее начиналась истерика, а Лариков, уже успев изучить мать своей помощницы, знал, что истерика Галины Михайловны своего рода стихийное бедствие.

– Галина Михайловна, не волнуйтесь, пожалуйста! – Лариков старался быть убедительным. – Она скоро вернется.

– Вы бы туда съездили, а? – попросила она, и Лариков понял по отчетливо прозвучавшим ноткам, что он был прав в своем предположении.

– Непременно съездим и привезем ее, – твердо пообещал Лариков.

«Если позвонит Поздяков, – подумал он, – мы сделаем это очень скоро».

Поэтому он все время смотрел то на часы, то на телефон, поскольку промедление было, натурально говоря, смерти подобно, а телефон все не звонил и не звонил!

Глава 7

– Урод! – разъяренно фыркнула я, захлопывая за собой дверь в комнату.

Паша сразу нахохлился, отнеся это на свой счет, и тут же заворчал, что он красивый.

– Красивый Паш-ша, – бормотала несчастная птица, стараясь не смотреть в мою сторону.

Конечно, за что я его-то обидела? Он ко мне со всей душой, а я…

– Да не ты, – сказала я ему, подходя к клетке.

Но было уже поздно. Мой собрат по несчастью явно перестал относиться ко мне с прежней любовью. Бедняга теперь снова окунулся в волны вынужденного одиночества, и я почувствовала острую вину за не вовремя вырвавшиеся у меня слова.

– Пашенька красивый, – подхалимским голоском пропела я, пытаясь снова снискать его расположение. – Пашенька золотой. Самый красивый попугайка на свете!

Пафнутий продолжал хранить гордое молчание. Тогда я решила выпустить его из клетки. Пусть хоть он насладится жалким подобием свободы.

Открыв клетку, я отошла в сторону, давая ему возможность беспрепятственно вылететь на волю.

Сначала он не поверил собственному счастью. Посмот-

рел на меня подозрительно, выкрикнул подобие радостного «ура» и выпорхнул наружу.

Я была немедленно прощена.

Совершив несколько кругов вокруг меня, он сел ко мне на плечо.

Потом перенесся на книжную полку, где тут же занялся чрезвычайно полезным делом – начал рвать мягкую обложку с парой кретинов, полыхающих сумасшедшей страстью.

– Вот и правильно, – поощрила я его неблаговидное поведение. – Туда им и дорога. А то забивают всякой ерундой головы воров в законе, а мы потом страдаем!

Зрелище это было как бальзам на мою израненную и озлобленную душу. Я готова была зааплодировать попугаю или начать помогать ему в осквернении местных сокровищ изящной словесности. Почему-то сейчас я в гневном ослеплении была склонна обвинять в своем незавидном положении именно их.

В этот миг, такой сладкий и восхитительный, кто-то начал ломиться в мою дверь.

– Откройте-ка, – услышала я голос Алисы Давыдовны. – Хватит тут в прынцесс играть!

– В кого хочу, в того и играю, – гордо ответствовала я. – А что, только вашей банде можно играть, да?

– Сама бандитка, – обиделась Алиса Давыдовна. – Вам тут вот кассету какую-то передали. Перестаньте бузить и откройте дверь!

Подумав, я решила, что веду себя, как капризное дитя. Возможно, это только понравится этому кретину Филиппу. Потому что в его излюбленных творениях женщины ведут себя именно так. То есть надо обдумать, как же мне вызвать у него отвращение. Значит, надо придумать что-то попротивнее!

Распахнув дверь, я позволила матроне внести в мое убежище свой огромный бюст.

Она проворчала, входя:

– Вот ведь какую капризную дуреху Филипп Владимирович выбрал! Столько дамочек с него глаз не сводят, вам бы гордиться, а вы фанаберии устраиваете!

Не дав мне обдумать, при чем тут, собственно, фанаберии, она вдруг замерла и в благоговейном ужасе уставилась на книжные стеллажи.

– Господи, – прошептала она, роняя видеокассету на столик и всплескивая руками, – кто ж эту гадкую птицу наружу выпустил? Ведь она тут все загадит и книги с обоями порвет!

– Я выпустила, – сообщила я, победным изваянием застыв напротив нее.

– Вот и загоняйте его, пока он тут бед не натворил, – приказала мне экономка.

– И не подумаю, – фыркнула я. – Птицы и женщины должны жить на свободе, в то время как преступники должны сидеть за решеткой!

– Ишь ты чего удумала! – неодобрительно окинула меня

своим взором Алиса Давыдовна. – Была б ты моей дочкой, я б тебя выпорола да приказала тебе за Филиппа Владимировича замуж идти!

– Вам он нравится? – невинно осведомилась я.

– А то нет, – просияла матрона, покрыв свой взгляд мечтательной пеленой полного идиотизма. – Как же мой красавчик мне не понравится!

– Вот и топайте за него замуж, – милостиво разрешила я. – А мне он, хоть расстреляйте, не нравится! И вообще – вы кассету принесли? Все сделали? Теперь валите из моих покоев!

– Вот ведь хамка, – возмутилась дама. – Все Филиппу скажу!

– Идите и доносите, – я демонстративно уселась в кресло. – Я и так от вашей компании устала. Вы скучные и неинтеллигентные люди!

Она таращила на меня глаза, явно не привыкшая к такому тону, да и мне бы мама прочла лекцию, как надо разговаривать со старшими, но сейчас мне было не до этикета.

– Бессовестная, – выдавила она, – какая ж девка бесстыжая!

Она попятилась от меня к двери, рискуя опрокинуть венецианский столик на своем пути, нанеся восхитительный ущерб здешнему хозяйству. Попугай выкрикнул одобрительно: «Паша хороший!» – и нацелился кинуться на несчастную подобно коршуну.

Она резко выпрыгнула из комнаты, хлопнув дверью. Я победно оглядела поле боя и заорала:

– Йеху! Наши начинают и выигрывают!

Впрочем, я скоро успокоилась. Спать мне не хотелось, и я решила взглянуть, что за порнуху мне прислал «мой господин и повелитель».

Прочитав наклейку, я расхохоталась.

Ни за что вам не догадаться, что рекомендовалось мне посмотреть на сон грядущий! Можете и не пытаться, и так скажу.

Мультфильм Уолта Диснея «Красавица и Чудовище»!

– Присаживайся поудобнее, дружок, – передразнила я голос из детства, того спрятанного в радио старичка, которым пыталась урезонить меня в детстве мама. – Сейчас я расскажу тебе сказку. Про маленькую Белль и отвратительного серого Волка по кличке Филиппок. Правда, в этой сказке наше Чудовище вряд ли превратится в сказочного принца.

Я включила видеомагнитофон, загнала попугая в клетку путем банальной приманки-еды и уселась с ногами на огромную кровать.

В конце концов, может быть, под действием сказки мне удастся забыть о своей плачевной судьбе?

В это время что-то хлопнуло. Я подошла к окну и увидела, что какой-то старикан, которого я не видела раньше, уходит. Значит, хлопнули ворота.

«Ах, какая жалость, что не бомбочка, – подумала я. – Или

небольшой такой зарядик тротила…

Ладно, – позавидовала я свободному в своих передвижениях Божьему Одуванчику, – я тоже скоро буду ходить куда мне захочется. Просто по улице – туда-сюда, туда-сюда!»

Вспомнив о тарасовских улицах, я вздохнула. Одно воспоминание потянуло за собой другое, и от этого стало почти невыносимо грустно. Так захотелось оказаться в моей маленькой комнате или в Пенсовом гараже!

Пенс.

Но, черт побери этих кретинов, почему же они меня не ищут?!

* * *

– Нет уж, – сказал Лариков. – Не поеду я на твоем драндулете! Ночь все-таки.

– Так самое время, – усмехнулся Пенс. – А на чем тогда?

– Спрошу у Владислава его машину, – решил Лариков и тут же бросился набирать номер счастливого обладателя «девятки».

– Как скажешь, шеф, – пожал плечами Пенс. Ему было все равно, лишь бы скорее доехать до логова этого Волка.

Стоило только Ларикову положить трубку и сообщить, что машина будет, как телефон снова зазвонил.

У Пенса перехватило дыхание.

– Неужели опять Галина Михайловна? – с тоской сказал

он. Успокаивать кого-то, когда у самого за Сашку страх почти панический, Пенс был сейчас не в состоянии.

Но Лариков уже поднял трубку, и теперь Пенс слышал только отрывистое:

– Да. Нет. Хорошо. Жаль. Ладно, сочтемся.

Повесив трубку, Лариков уставился в одну точку и задумчиво барабанил пальцами по столу.

– Что? – спросил Пенс, уже предчувствуя беду.

– Звонил Поздяков. Он Александру не видел, – печально развел руками Лариков.

У Пенса что-то оборвалось внутри. Надежда растаяла, уступая место отчаянию.

«Ну уж нет», – процедил Пенс сквозь зубы.

Он решительно направился к выходу.

– Ты куда? – окликнул его Лариков.

– К Волкову, – ответил небрежно Пенс. – Хочешь правду?

– Конечно.

– Не верю я твоему Поздякову. Фамилия у него идиотская, и сам он гнусный типчик. Просто его перекупили, вот он и врет. А если он прав, я поеду к Маркелову, но Сашку я найду!

Лариков встал и начал собираться.

– Подожди, – попросил он. – Одному тебе с этими придурками не справиться.

* * *

Стоило мне наконец-то устроиться поуютнее и погрузиться в несложные перипетии сюжета диснеевского мультика, как в мою дверь нетерпеливо забарабанили.

Открыв дверь, я застыла на пороге.

Меня даже пришлось слегка отодвинуть. Потому что бледная девушка, стоящая на пороге с пластиковой бутылью джина с тоником, ужасно спешила попасть в мои апартаменты.

– Привет, – беззаботно бросила она, проходя внутрь с непосредственностью завсегдатая.

Я без труда узнала приветливую девицу, которая так согревала мое сердце своим дружелюбием.

– Привет, – пробормотала я в ответ.

– Пить будешь, – скорее утвердительно, чем вопросительно сказала она. – Можешь не сомневаться, я его не отравила. Я тебе и так благодарна. Потому что мамашенька моя, сволочь такая, мечтала о моем обручении с Волчарой. А теперь, поскольку он пламенно в тебя влюбился, а пристрелить тебя у нее духу не хватит, я могу почитать тебя освободительницей. В отличие от Леночки и Тамочки. Этих на твоем месте я бы обходила за сто шагов.

Она открыла бутылку и поискала взглядом стаканы.

– О, черт! – расстроенно воскликнула она. – И почему у

тебя нет никаких фужеров?

– Не предусмотрены, – брякнула я. – Филипп блюдет мою нравственность.

– Пошел он, твой драгоценный Филипп, – проворчала она и встала. – Сейчас принесу.

Она вышла из комнаты, а я осталась, недоумевая, что заставило ее прийти ко мне с намерением выпить.

Стоило ее каблучкам простучать по коридору, как в мою дверь стукнули – на этот раз осторожно.

Я, вздохнув, открыла снова. На этот раз вместо девицы с обещанными фужерами стояла Леночка собственной персоной. Почему-то смутившись, я пробормотала:

– Что вам угодно?

– Если ты отсюда не смоешься, пеняй на себя, – процедила она сквозь зубы.

– Я бы с радостью, – весело ответила я. – Если вы, конечно, поможете мне смыться.

– Обсудим попозже, – хладнокровно сказала Леночка и так же невозмутимо удалилась.

– Надо запираться получше, – проворчала я. – Похоже, моя камера превращается в проходной двор.

Правда, теперь передо мной замаячила слабая надежда все-таки вырваться из этого мерзкого места.

Подумать о счастливом будущем мне не дали, в дверь заколотили ногой.

«Теперь уж точно мой нетерпеливый нареченный», – с

тоской подумала я, раздумывая, каким бы фолиантом огреть его по голове, если его страсть превысит пределы разумного.

Но это, слава богу, вернулась девица с фужерами.

– Удалось пробраться незаметно, – удовлетворенно сказала она. – Филипп до смерти занят беседой со старым хрычом.

– С каким? – удивилась я.

– Я не разглядела, – призналась она. – Похож на Поздякова, но, возможно, и не он, одет уж больно скромно.

Кто такой Поздяков, я все равно не знала, но уточнила:

– Такой маленький?

– Ага, – кивнула девица.

– Он вернулся? – спросила я. – Я просто видела, как он уходит.

– Ничего не знаю, но сейчас они что-то обсуждают очень увлеченно. Кажется, за это время мы вполне успеем напиться до того состояния, в котором легче переносить здешнее общество. Кстати, меня зовут Эльвира.

– Очень приятно, – сказала я.

– Паша красивый, – присовокупил себя к нашей компании попугай.

– Ага, – улыбнулась ему Эльвира. – Краше тебя только мертвец на погосте… Слушай, ты всерьез решила замуж выйти за Филиппа?

– Я ничего такого не решала, – запротестовала я. – Он, похоже, все решил без меня.

– О, это вполне в его духе, – усмехнулась она.

– А ты его давно знаешь? – поинтересовалась я.

– С рождения, – махнула она рукой. – Я его троюродная сестра. Мамуля хотела устроить без пяти минут инцест. Представляешь, какая сволочь? Ей радость, а мне – детишки с хвостиками, как в «Сто лет одиночества».

«Надо же, – с любопытством отметила я. – Моя новая подружка, похоже, не просто алкоголичка. Она начитанная алкоголичка. Во всяком случае, Маркеса прочитала».

Странная компания. Мужчины здесь тащатся от Макнот, а женщины почитывают Маркеса!

Мы с Эльвирой, как ни странно, довольно быстро приобретали вожделенное нетрезвое состояние. Пафнутий бурно проявлял радость, выкрикивая свою сакраментальную фразу, и нам было уже абсолютно наплевать, что на моих окнах решетки, что какой-то чувствительно-эротический маньяк решил сделать меня любимой наложницей в своем гареме, а в конце коридора торчат охранники с тупыми и решительными лицами, прорваться через кордон которых – розовая мечта.

Как две полные кретинки, мы смеялись не поймешь над чем, и мне первый раз за долгое время было весело.

Поэтому, когда Эльвира поднялась и, покачнувшись, пожелала мне скорее отсюда выбраться, мне стало грустно.

Она ушла, оставив меня снова одну. Но в пьяном состоянии я еще не ощутила тоски, напротив, была переполнена агрессией.

– Сейчас я вам тут устрою большую дискотеку, – пообещала я и, пошатываясь на своих ставших неустойчивыми ногах, выползла в коридор.

Из-под двери в кабинет Филиппа пробивалась узенькая полоска света. Охранники дремали у входа.

Похоже, во всем доме не спали только мы с Филиппом. Я шагнула к двери, едва удержалась за косяк. Меня начинало подташнивать.

– А вот и я, – распахнула я дверь и застыла на пороге, чувствуя, что тошнота становится сильнее. – Го-осподи, – прошептала я, поднося руку ко рту.

Мой несостоявшийся супруг лежал почти перед дверью, загораживая проход. Такой безмятежный, раскинув руки, как для объятия. В его широко открытых, потускневших глазах отражался слабый свет лампы.

Думаю, что в тот момент я только чудом не грохнулась в обморок, сохраняя остатки самообладания.

Мой похититель вместо меня обнимал Госпожу Смерть.

Глава 8

Признаюсь, самым первым моим порывом… Впрочем, не будем о первом порыве, поскольку вернее было его назвать позывом. Поэтому, выражаясь точнее, моим вторым порывом, после того, как я успешно подавила первый, было стремглав умчаться мимо охранников, растолкав их по дороге, куда глаза глядят.

Потому как смотреть на труп даже не своего будущего супруга не самое приятное занятие на свете, скажу я вам. А уж от мысли, что обвинят скорее всего именно меня, мне и вовсе стало плохо.

Поэтому я понеслась прямо в ту комнату, где, как я поняла, обреталась моя новая подруга.

Побарабанив в дверь, я наконец дождалась сонного ответа, из которого я заключила, что мне тут не особо рады.

– Эльвира, это я, Саша! – прошептала я.

Дверь открылась, и моему взору предстала Эльвира собственной персоной.

– Что случилось? – поинтересовалась она, потягиваясь. – Этот придурок решил посягнуть на твою честь?

– Нет, – пробормотала я едва слышно, поскольку при воспоминании о «придурке» я снова почувствовала приступ тошноты. – Пойдем со мной, а?

Она, наконец-то заметив, что я белее мела, сразу стала се-

рьезной, накинула халат из голубого атласа, и мы тихонько, на цыпочках прошли в кабинет.

Дверь была точно так же приоткрыта, и Филипп лежал все в той же позе, самонадеянно полагая, что он все равно божественно красив.

– Ой, не фига себе! – пробормотала Эльвира, хватая меня за плечо. – И как это у тебя получилось его укокошить?

– Не у меня, – помотала я головой. – Но все равно я боюсь, что все подумают так же, как и ты. Поэтому надо что-то делать.

– Бежать отсюда, – тут же постановила Эльвира. – Чем быстрее, тем лучше. Пока этого «замороженного» не обнаружили.

– Как? – прошептала я. – В дверях охранники. Мое окно зарешечено. И машины у меня нет…

Мне было так страшно за свое будущее, что я почти потеряла всякую способность соображать. Поэтому Эльвире пришлось вытаскивать меня за руку – из нас двоих только у нее все было в порядке с рассудком.

Мы вышли, прикрыв дверь, стараясь не скрипеть половицами, прошли ко мне в комнату. Попугай, словно почувствовав неладное, примолк, настороженно косясь на нас умными глазками.

– Вылезешь через мое, – подумав, решила Эльвира. – И машину возьмешь тоже мою.

– Я водить умею только мотоцикл, – возразила я. – Так

что придется мне пешком выбираться.

– Ну да, пешком, – иронически усмехнулась Эльвира. – Пешком тебя уже через пять метров нагонят. Ладно, я сама тебя отвезу. Так что собирайся быстрее. Пока вся братия не очухалась от глубокого и счастливого сна.

– А я готова. Мне брать нечего. Кроме…

Я посмотрела на попугая, который жалобно чирикнул, словно угадав мои мысли. Взяв со стола клетку, я сообщила, что теперь я готова. Потом подумала и, вынув из видео кассету, спрятала ее в карман куртки.

– Конечно, они обвинят тебя в том, что ты кокнула Филиппа, чтобы завладеть попугаем, но это не страшно, – хмыкнула Эльвира. – Вполне смешной мотив. Ладно, у нас времени в обрез. Быстрее…

Она выволокла меня в коридор, оглянулась и так же быстро втащила в свою комнату. Из смежной спальни доносился оглушительный храп.

– Маменька в неведении, – сообщила мне Эльвира. – Проснувшись, узнает, что любимый племянник на том свете. Плача будет, до самых небес! Ладно, нам некогда.

Она бесшумно подняла оконную раму, и мы вылезли в сад.

– Стой тут, – приказала Эльвира. – Нечего тебе там светиться…

Она забрала у меня попугая и решительно двинулась в глубину сада.

Ее машина стояла в гараже, из которого был отдельный выход. Правда, возле гаража торчал охранник, который сразу привстал со своего места, спросив, куда это она направляется. Меня он, слава богу, не заметил.

– К любовнику, – понятно объяснила Эльвира.

– С попугаем? – ухмыльнулся он.

– Ты имеешь что-нибудь против? – осведомилась моя новая подружка. – Будешь возникать – папочке пожалуюсь.

Он сразу, как только признал мою подругу, отодвинулся в сторону и постарался спрятаться в темноту.

Эльвира завела мотор, дала задний ход и быстро открыла дверь. Я тенью юркнула внутрь, Эльвирина машина на полном ходу вылетела из гаража, и очень скоро я смогла вдохнуть своими уставшими от неволи легкими воздух свободы.

– Боже, почему я не встретила тебя вчера? – горестно сказала я. – Дай сигарету. Если, конечно, ты не куришь всякую дамскую дребедень.

– Я курю исключительно «Беломор», – мило улыбнулась она и достала из «бардачка» смятую пачку. – Знаешь, какой кайф! Едешь себе в «Вольво» и дымишь «Беломором»! У лохов глаза на лоб лезут, что в такой машинешке какая-то дуреха вместо «Мальборо» «Беломором» дымит, а мне как приятно!

Машина мчалась по ночному шоссе, унося меня все дальше и дальше от особняка странного человека, которого я даже не успела узнать получше. Знаю, что он любил читать ро-

маны и смотреть мультики в перерывах между «трудовыми подвигами» во славу мафии. Еще у него были какие-то извращенные понятия о любви, чересчур, на мой взгляд, далекие от реальности. Но больше я не знала ничего.

Впрочем, я почему-то об этом совсем не жалела. То есть само собой Волкова мне было жалко. Какой-то он все-таки был странный – жестокий и в то же время…

Я не могла подобрать нужного определения. Ах, да – вот. Трогательный.

Он был немножко трогательный в своей наивности!

Но стоило мне вспомнить его взгляд, от которого мороз по коже пробегал, как я эту свою жалость забывала.

Неизвестно, чем бы вся эта история кончилась для меня. И неизвестно, чем она еще для меня закончится!

* * *

Машина ехала по шоссе, и Заманчивое уже было совсем недалеко.

Пенс был углублен в собственные мысли – Сашка не давала ему покоя. Ему даже почудилось, что в «Вольво», мчащемся им навстречу с бешеной скоростью, мелькнул Сашкин профиль, что уж совсем похоже на глюк, поскольку откуда бы у нее вдруг завелись друзья с «Вольво»?

Поэтому он проводил взглядом машину, стремительно исчезающую в темноте шоссе, и вздохнул.

Лариков сосредоточенно смотрел на дорогу, как будто знал, где находится эта самая волковская фазенда.

– Конечно, мы едем поздно, – нарушил тишину Лариков.

Пенс вздрогнул. Ему показалось, что в свете последних событий эти лариковские слова прозвучали немного зловеще.

– Ты что имеешь в виду? – осторожно поинтересовался он.

– Да ничего, – сказал Лариков, недовольно поморщившись. – Просто уже около двенадцати ночи. Если не позднее. И мы застанем хозяев в стадии глубокого сна. Все из-за этого бензина! Сказал бы он, что бензина в машине чуть-чуть, а то промолчал, паразит!

Пенс хотел возразить, что владельца «девятки» они подняли с кровати, и он мало что соображал, так что его винить напрасно не стоит! Но передумал. Ларчик нервничал точно так же, как и он.

– Еще бы найти волковскую дачу, а то можно до утра прокататься…

– Тебе же объяснил Поздяков. На холме. Высокая. Стилизованная под старинный замок.

– Вот у владельца, похоже, крыша и не на месте, – проворчал Лариков. – Совсем он в своем замке додумался невесть до чего.

– Может быть, Сашка и не у него? – робко предположил Пенс. – Ума не приложу, зачем она ему все-таки нужна!

– Потом объясню, когда повзрослеешь, – пробурчал Лариков, прибавляя газу, потому что волковский дом уже показался вдали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.